

На правах рукописи

Копылова Татьяна Рудольфовна

МОЛЧАНИЕ КАК ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ КАТЕГОРИЯ

10.02.19 – Теория языка

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Ижевск 2022

Работа выполнена на кафедре русского языка, теоретической и прикладной лингвистики
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

Научный консультант: **Воронцова Татьяна Александровна**
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Челябинский государственный
университет», кафедра теоретического и прикладного
языкознания, профессор

Официальные оппоненты: **Дзюба Елена Вячеславовна,**
доктор филологических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Уральский государственный
педагогический университет», кафедра межкультурной
коммуникации, риторики и русского языка как
иностранного, профессор

Пушкарева Наталия Викторовна,
доктор филологических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
университет», кафедра русского языка, доцент

Харченко Елена Владимировна,
доктор филологических наук, профессор,
ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный
университет (национальный исследовательский
университет)», кафедра русского языка как
иностранного, заведующий

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический
университет»

Защита состоится 8 июня 2022 г. в 13.00 на заседании диссертационного совета
Д 212.275.06 на базе ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» по адресу:
426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 1, ауд. 003.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ФГБОУ ВО «Удмуртский
государственный университет». Автореферат размещен на официальном сайте
Минобрнауки РФ vak.minobrnauki.gov.ru и на официальном сайте ФГБОУ ВО
«Удмуртский государственный университет» <http://udsu.ru>.

Автореферат разослан « ___ » _____ 2022 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

О. Б. Стрелкова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Настоящее диссертационное исследование посвящено изучению категории молчания с позиции когнитивно-дискурсивного подхода.

Категория молчания привлекала внимание мыслителей на протяжении всей истории человечества (Плотин, Григорий Палама, Сергей Радонежский, Серафим Саровский, М. Фуко, Ж. Лакан, Ж. Деррида, М. Бахтин, С. Хоружий и др.). Изучение молчания в лингвистике началось одновременно с исследованием коммуникации и напрямую было связано с развитием антропоцентрической парадигмы в гуманитарном знании, достигнув своего пика во второй половине XX века на фоне развития теории речевых актов, что, несомненно, определило основные направления в изучении данной категории.

Во-первых, молчание лингвистами соотносилось с речью и анализировалось относительно речи. Подобно высказыванию в речевом акте, молчание, выполняющее разнообразные функции, способно выступать нулевой репликой в особом акте – силенциальном. Такой подход обуславливает оппозицию *речь – молчание*, что позволяет ученым причислять молчание к невербальной коммуникации, а также оставлять за рамками анализа молчание-*не акт*, не менее значимое для коммуникации в частности и лингвокультуры в целом. В дефиниции С. В. Крестинского, наиболее часто встречающейся в современном лингвистическом дискурсе, молчание толкуется как «акт молчания, который, будучи включенным в структуру языкового общения как один из его невербальных компонентов, способен выполнять некоторую коммуникативную функцию, то есть способен быть единицей общения, знаком, коммуникативным актом».¹ Данное определение подводит черту в изучении молчания в структуре коммуникации.

Во-вторых, являясь неотъемлемым структурным элементом коммуникации, молчание рассматривается лингвистами при решении других научных задач. Это приводит к тому, что исследования, так или иначе связанные со сферой молчания, многоаспектны и не сведены к единой целостной системе, во многом вследствие отсутствия алгоритма лингвистического анализа категории молчания (A. Jaworski, D. Kurzon, D. Tannen, M. Saville-Troike). Само понятие «молчание» отличается многозначностью и функционирует в лингвистическом дискурсе скорее как метафора, нежели терминологическая единица: «молчание – это не ничто, а нечто».²

В-третьих, рассматривая молчание как общечеловеческий феномен, ученые стремились выделить универсальные признаки данной категории, оставляя без внимания тот факт, что молчание способно максимально полно раскрывать свое содержание и адекватно интерпретироваться адресатом только в координатах национальной культуры.

Современная когнитивно-дискурсивная парадигма в лингвистике, а вместе с ней и развивающиеся теории речевой деятельности, дискурса, речевого (коммуникативного) поведения позволяют выявить пробелы теоретического описания категории молчания, обнаружить недостаточность имеющегося на сегодняшний день понятийно-терминологического аппарата, перенести акцент в исследовании молчания с нулевого текста как структурного элемента речевого акта на его создателя и интерпретатора, носителя определенного языкового сознания.

Таким образом, **актуальность темы** настоящего диссертационного исследования обусловлена, с одной стороны, значимостью категории молчания в лингвистике, с другой

---

¹ Крестинский, С. В. Коммуникативно-значимое молчание в структуре языкового общения: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. В. Крестинский. – Тверь, 1990. – С. 6.

² Там же.

– отсутствием полного и объективного научно-теоретического описания молчания с точки зрения когнитивно-дискурсивной парадигмы; необходимостью выявления статуса молчания в структуре культурно обусловленной коммуникации; потребностью разработки понятийно-терминологического аппарата.

Степень разработанности темы исследования. Настоящая работа выполнена в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы научного знания (Н. Ф. Алефиренко, Н. Д. Арутюнова, Э. Бенвенист, В. З. Демьянков, В. И. Карасик, М. Н. Кожина, З. И. Комарова, В. В. Красных, Е. С. Кубрякова, И. П. Сусов, Д. Франк) на базе научных трудов по лингвокогнитологии, теории речевого (коммуникативного) поведения, речевой деятельности.

Находясь в фокусе внимания ученых с середины XX века, молчание как предмет изучения в современной лингвистике создает обширное исследовательское поле, что, несомненно, обусловлено многозначностью и полифункциональностью молчания как феномена человеческой коммуникации (В. В. Богданов, С. Ю. Данилов, С. В. Крестинский, С. В. Меликян, С. Baker, M. Ephratt, A. Jaworski, J. V. Jensen, D. Kurzon, W. Sobkowiak, D. Tannen, M. Saville-Troike и др.). Ключевая идея, что молчание так же значимо для коммуникации, как и говорение, но раскрывает свои смыслы только на фоне речи, определила в лингвистике следующие основные направления.

1. Молчание в коммуникации (коммуникативно значимое молчание) отличается от молчания физиологического (В. В. Богданов, Е. Ф. Груздева, С. В. Крестинский, Г. Г. Почепцов, T. Bruneau, W. F. Eadie, D. Tannen, M. Saville-Troike, A. Jaworski).

2. Подобно слову как единице говорения, молчание может передавать разнообразные смыслы. В зависимости от коммуникативных ситуаций, оно выполняет различные функции, заимствованные у слова. Это приводит к интерпретации молчания как функционально дефицитной категории по сравнению с высказыванием (Н. Д. Арутюнова, В. В. Богданов, С. В. Крестинский, D. Kurzon, W. Sobkowiak).

3. Многозначность и полифункциональность позволили выделить множество типов молчания (В. Н. Бабаян, В. В. Богданов, А. А. Кибрик, С. В. Крестинский, С. В. Меликян, О. Е. Носова, Г. Г. Почепцов, Б. Ф. Поршнева, Е. С. Радионова, Э. Эстерберг, M. Argyle, С. Baker, P. Brown, T. Bruneau, A. Gibson, Z. Gurevich, R. L. Johannesen, W. Griffin, С. Heath, V. Jensen, G. Kaufman, L. Kedar, D. Kurzon, S. Levinson, L. A. Malandro, S. Miller, M. Saville-Troike).

4. Молчание, несмотря на свою материальную невыраженность, способно нести информацию, адресно воздействовать на реципиента, что обусловило определение молчания как нулевого речевого акта, нулевого знака (М. М. Бахтин, В. В. Богданов, В. Г. Борботька, С. Ю. Данилов, Е. Ф. Груздева, А. А. Кибрик, С. В. Крестинский, С. В. Меликян, Б. Ф. Поршнева, Г. Г. Почепцов, М. Н. Эпштейн, K. Bach, T. Bruneau, A. Ettin, W. Griffin, A. Jaworsky, D. Murray, M. Saville-Troike, T. Sebeok, W. Sobkowiak, D. Tannen, S. Tyler).

5. Молчание противопоставлено говорению, слову, следовательно, относится к невербальной коммуникации (С. А. Аристов, В. В. Богданов, О. В. Кириллова, Г. Е. Крейдлин, С. В. Крестинский, Е. М. Мартынова, С. В. Меликян, Е. А. Русина, О. Н. Тарасова, M. Anderson, S. J. Barker, G. Bente, N. Kramer, F. Poyatos, M. Saville-Troike, F. Scott, W. Sobkowiak, D. Tannen).

6. Молчание может быть культурно обусловлено (И. Йоко, И. А. Стернин, S. Ishii, L. Jakko, S. Kari, S. Lebra, M. Saville-Troike).

Молчание рассматривается учеными и относительно другого предмета исследования. Так, молчание изучается в контексте теории согласованной коммуникации, диалога (В. Н. Бабаян, О. Н. Морозова, Д. Б. Мухаметов и др.), воздействия (В. З. Демьянков, И. А. Стернин, Е. И. Шейгал, Е. В. Шелестюк и др.), семантики фигуры умолчания (В. В. Андреев, Е. Ф. Груздева, Е. И. Клемнева, Е. П. Сеничкина и др.), семантики невыразимого (М. Ю. Михайлова), языкового нулевого знака в теории неопределенности, подтекста (О. Б. Акимова, Т. В. Булыгина, И. В. Вороновская, Е. П. Иванян, И. А. Мельчук, Е. В. Падучева, Н. В. Пушкарева, А. Д. Шмелев и др.), в лингвистике эмоций (И. С. Баженова, Ю. Б. Дюндик, Н. В. Кириллова и др.).

При всем многообразии работ, посвященных молчанию, отметим, что они выполнены в рамках узкого подхода к изучению данной категории в коммуникации – молчания как речевого акта, что на сегодняшний день представляется недостаточным.

Когнитивно-дискурсивная парадигма расширяет молчание как предмет исследования: в поле лингвистического анализа попадает как субъект молчания, так и его интерпретатор, что обуславливает выявление этноспецифики категории молчания. Тем не менее тезис о национально-культурной обусловленности данной категории остается в лингвистике без должного развития.

В лингвистике прежде всего доказывается универсальность молчания в структуре общения, вследствие чего ученые обращаются к фактам различных языков. Так, первое системное исследование молчания выполнено С. В. Крестинским на материале русского, немецкого, английского, французского языков. С. В. Меликян, привлекая к изучению данной категории драматические тексты, выявляет общие, универсальные, функции молчания. Таким образом, можно констатировать, что комплексные работы, посвященные категории молчания как элемента национальной лингвокультуры в целом и коммуникативной деятельности на национальном языке в частности, практически отсутствуют.

Изучение молчания как знака, речевого акта с учетом достижений современной науки о языке поднимает проблему определения термина молчания, классификации его видов. Дефиниция С. В. Крестинского не отвечает требованиям лингвистики последних десятилетий: спорными являются утверждения, связанные со статусом молчания в речевом взаимодействии, с обозначением молчания как элемента невербальной коммуникации.

За рамками научного исследования до сих пор остается молчание, значимое для коммуникативной деятельности человека, но не являющееся знаком; для адекватного и максимально полного научного описания подобного молчания требуется разработка понятийно-терминологического аппарата.

Исследование молчания по аналогии с изучением слова (высказывания) может оставить без внимания релевантные признаки, характерные только для молчания и несвойственные материально выраженным элементам коммуникации.

Обозначенные проблемы обусловили обращение в качестве **теоретико-методологической базы** к следующим научным трудам:

– по лингвокогнитологии (Н. Н. Болдырев, Л. О. Бутакова, В. З. Демьянков, Е. В. Дзюба, А. А. Зализняк, В. И. Карасик, В. В. Красных, Е. С. Кубрякова, В. В. Колесов, В. А. Маслова, В. М. Савицкий, Н. В. Уфимцева, Н. Д. Федяева, А. Д. Шмелев и др.);

– теории речевого поведения (И. Н. Борисова, П. Браун, Т. Г. Винокур, Т. А. Воронцова, В. Грайс, Т. М. Дридзе, Е. В. Клюев, Р. Лакофф, Т. В. Ларина, С. Левинсон, А. А. Леонтьев, Т. В. Матвеева, С. В. Меликян, Н. В. Муравьева,

О. Е. Носова, Ю. Е. Прохоров, Г. Г. Почепцов, Т. В. Романова, И. А. Стернин, И. П. Сусов, Е. И. Третьякова, Е. В. Харченко, Н. И. Формановская, N. Chomsky, C. D. Dunn, E. Goffman, M. Haugh, S. Leigland, D. Kadar, S. Metts, S. Mills, M. Normand, V. Skinner, H. Spencer-Oatey);

– бытовому общению (И. Н. Борисова, Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Л. П. Крысин, М. Л. Макаров, Н. В. Орлова, К. Ф. Седов, С. М. Эрвин-Трипп, D. Tannen);

– теории речевой деятельности, речи, говорению (П. К. Анохин, Н. Д. Арутюнова, А. Г. Асмолов, Б. В. Беляев, И. А. Бодуэн де Куртене, А. В. Бондарко, П. Я. Гальперин, Н. И. Жинкин, И. А. Зимняя, В. П. Зинченко, С. В. Кодзасов, А. А. Леонтьев, Д. Ю. Панов, А. О. Петровский, И. П. Сусов, Л. В. Щерба, E. Coseriu, M. Ephratt, G. Jefferson, H. Sacks, E. Schegloff);

– фоносемантике (Б. Гаспаров, Р. Якобсон, R. Branford, D. Kurzon, L. Jakko, S. Kari, L. Malandro, A. Siegman);

– теории речевых актов (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, М. М. Бахтин, В. В. Богданов, И. С. Борозина, Д. Вандервекен, В. Г. Гак, Г. П. Грайс, В. И. Герасимов, Л. С. Гуревич, В. З. Демьянков, Т. А. ван Дейк, И. М. Кобозева, Н. Г. Комлев, Е. А. Красина, М. Л. Макаров, О. Н. Морозова, Ж. В. Никонова, Е. В. Падучева, Дж. Остин, Дж. Серль, K. Bach, G. Harras, J. M. Sadock, D. Wunderlich);

– теории знака (Н. Ф. Алефиренко, Ш. Балли, В. Д. Бондалетов, Л. М. Васильев, А. Г. Волков, Т. М. Дридзе, Н. И. Губанов, В. А. Звегинцев, А. А. Леонтьев, А. А. Кибрик, И. А. Мельчук, Ч. Пирс, А. Потенция, Ф. де Соссюр, А. Н. Соколов, Ю. С. Степанов, Ф. Ф. Фортунатов, А. Т. Хроленко, Р. Якобсон, D. Kurzon, A. Jaworski, W. Sobkowiak);

– теории восприятия и интерпретации (М. М. Бахтин, Р. Барт, В. З. Демьянков, Ю. М. Лотман, Е. В. Падучева, Г. Г. Почепцов, Н. В. Пушкарёва, Р. Якобсон, M. Ephratt, A. Jaworski, D. Kurzon, W. Sobkowiak, D. Tannen);

– теории термина и терминологии (Л. М. Алексеева, О. С. Ахманова, Б. Ю. Городецкий, Л. А. Капанадзе, И. С. Куликова, Д. С. Лотте, В. А. Татарин, С. Д. Шелов).

Объект диссертационного исследования – категория молчания.

Предмет исследования – лингвокогнитивные особенности категории молчания.

Гипотеза исследования: молчание является значимой лингвокогнитивной категорией со сложной многоуровневой структурой: специфика молчания реализуется на языковом, аксиологическом и коммуникативном уровнях.

Материал диссертационного исследования. Материалом исследования послужили тексты русской художественной литературы XIX и XX веков, современной публицистики (репортажи, публичные выступления, интервью) (674 единицы), интернет-форумов (1398 фрагментов); устные бытовые диалоги (480 единиц); результаты социолингвистических и психолингвистических (ассоциативных) экспериментов; материалы информационно-справочных систем «Национальный корпус русского языка», «Фундаментальная электронная библиотека», «Narodowy Korpus Języka Polskiego», «Korpus języka polskiego PWN», «Corpus del Diccionario histórico de la lengua española (CDH)», «Corpus del Español del Siglo XXI (CORPES XXI)». В ходе диссертационного исследования были использованы материалы словарей русского языка, славянских и европейских языков.

Цель работы – изучение категории молчания в коммуникативной деятельности с позиции когнитивно-дискурсивного подхода. Данная цель реализуется посредством решения следующих **задач:**

1) определить границы молчания как предмета лингвистического исследования на основе анализа подходов к изучению молчания в отечественной и зарубежной лингвистике;

2) выявить культурно обусловленные особенности репрезентации категории молчания в языке;

3) разработать понятийно-терминологический аппарат и алгоритм исследования молчания;

4) выявить коммуникативный потенциал молчания и его зависимость от лингвокультуры;

5) выделить виды молчания;

6) рассмотреть молчание как маркер различных типов речевого взаимодействия;

7) обосновать молчание как этноспецифичную лингвокогнитивную категорию.

Научная новизна исследования обусловлена следующим:

– впервые проведено многоаспектное исследование категории молчания в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы научного знания;

– впервые описаны этапы формирования категории молчания; выявлена связь богатой языковой фиксации молчания в языке с особенностями коммуникативного поведения, обусловленного религиозно-философской и культурно-исторической парадигмами;

– выработан метаязык теоретического описания молчания, введена новая терминологическая система, определяющая все многообразие молчания в коммуникативной деятельности;

– определены границы молчания как предмета лингвистического исследования, разработан алгоритм изучения видов молчания;

– впервые доказана способность молчания выступать эквивалентом различных элементов в структуре как вербальной, так и невербальной коммуникации;

– определен статус молчания как знака в общей знаковой системе;

– выявлено разнообразие проявления молчания в коммуникативном взаимодействии;

– доказана взаимообусловленность молчания как ментальной единицы языковой картины мира и молчания как компонента коммуникативного поведения, что позволяет рассматривать молчание как специфичную лингвокогнитивную категорию.

Теоретическая значимость заключается в том, что в исследовании обоснована специфика категории молчания как сложного, многоуровневого лингвоментального образования. Для многоаспектного изучения предмета исследования разработан метаязык, введены новые понятия и сформирована терминологическая система. Определен коммуникативный потенциал молчания, выделены его виды, установлена способность молчания выступать маркером видов речевого поведения.

Таким образом, диссертация вносит вклад в развитие теории языка, когнитивной лингвистики, семиотики, терминоведения, социолингвистики и теории речевой коммуникации.

Практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы в преподавании лингвистических дисциплин, связанных с изучением языка, мышления и культуры, лингвокогнитологии, теории коммуникации, а также при обучении стилистике, риторике, русскому языку как иностранному. Результаты могут служить практическими рекомендациями для коммуникативных тренингов по межличностной и межкультурной коммуникации.

Методология и методы исследования. Выполненная в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы диссертационная работа интегрирует разноуровневые и разноструктурные средства и способы передачи категории молчания в единый предмет исследования.

Основной подход к анализу – интегративный (Е. И. Кубрякова).

Применены общенаучные методы: анализа, синтеза, типологизации, сопоставления; частнонаучные методы: лингвистического, контекстно-ситуативного анализа текста, дискурс-анализа, лингвокогнитивного анализа, сравнительно-сопоставительного анализа, методы социолингвистического и психолингвистического экспериментов, методы количественного и качественного анализа.

В ходе экспериментов по исследованию молчания как компонента речевого поведения был применен метод сплошной выборки.

Положения, выносимые на защиту.

1. Молчание как универсальная категория в коммуникации отличается многозначностью и полифункциональностью, однако способно раскрывать свои значения только относительно речи. Прагматика слова переносится на прагматику молчания, что сужает молчание как предмет исследования до речевого акта, знака, оставляя за рамками изучения другие виды молчания, значимые для коммуникативного взаимодействия. Когнитивно-дискурсивная парадигма в языкознании переносит акцент с нулевого текста на его создателя и интерпретатора, носителей определенного языкового сознания.

2. Молчанию как естественному состоянию человека противопоставлено коммуникативное молчание, способное либо функционировать в структуре речевой деятельности как текст (интенциональное молчание), либо передавать информацию о молчащем коммуниканте, интерпретироваться другими участниками взаимодействия (неинтенциональное молчание).

3. Значимым для коммуникативной деятельности является как безэквивалентное молчание (например, пауза, опустошенное молчание), так и эквивалентное, замещающее вербальные и невербальные компоненты общения. Критерием выделения эквивалентного молчания является возможность реконструирования материально выраженного аналога.

4. В структуре невербальной коммуникации молчание указывает на то, что субъект находится под воздействием сильных эмоций, в силу чего теряет способность к выражению материальных неречевых кодов (аффектное молчание). Эквивалентное молчание в речевой коммуникации (коммуникативно значимое молчание, табу) реализует множество интенций, функционирует как поликодовый текст. Молчание – коммуникативный знак – воспринимается и адекватно интерпретируется только в культурно обусловленном взаимодействии, максимально широком по охвату коммуникативных ходов.

5. Молчание в национальных языках имеет свою особую репрезентацию, обусловленную историческим влиянием религиозно-философской системы, спецификой культуры и коммуникативного поведения. В русской лингвокультуре молчание – это сложное многоструктурное образование, в котором отражаются и ментальная составляющая, и ее внешняя поведенческая реализация.

6. Национально-культурная специфика молчания в наибольшей степени проявляется в бытовом общении. В бытовом коммуникативном поведении, подобно материально выраженным компонентам, молчание служит маркером конструктивного и деструктивного речевого поведения: агрессии, вежливости, толерантности.

7. Молчание – сложное по своей структуре коммуникативно-культурное образование, отличающееся взаимообусловленностью языкового, когнитивного,

аксиологического и коммуникативного уровней. Обладая высокой степенью обобщения культурной информации, которая раскрывается как в ходе коммуникативного взаимодействия, так и вне его, молчание является специфичной лингвокогнитивной категорией.

Степень достоверности результатов данного диссертационного исследования обеспечивается:

– привлечением объемного корпуса теоретического материала по проблеме, обширного и репрезентативного фактического материала исследования, включающего в себя данные исторических и современных словарей русского, славянских и других европейских языков, необходимых для выявления общего и этноспецифичного в категории молчания, а также разнородные тексты русской художественной литературы, публицистики, бытового общения, интернет-дискурса, результаты лингвистических экспериментов;

– применением интегративного подхода к анализу молчания.

Апробация результатов. Материалы, основные выводы и результаты исследования, отраженные в диссертации, представлены на международных и всероссийских конференциях, конгрессах, симпозиумах: Международной научно-практической конференции «Русский язык и русская речь в XXI веке: проблемы и перспективы» (Ижевск, 2007, 2008, 2016, 2018, 2021), Международной научно-практической конференции «Проблемы современной филологии в вузовском образовании» (Ижевск, 2008), I Международном конгрессе по русистике «Язык, ментальность, текст» (Гранада, Испания, 2011), II Международной научно-практической конференции «Международное сотрудничество: интеграция образовательных пространств» (Ижевск, 2011), Международной конференции «Русско-испанские сопоставительные исследования: теоретические и методические аспекты» (Гранада, Испания, 2011), II Всероссийской научно-практической конференции «Язык. Культура. Коммуникация» (Ижевск, 2012), IV Международной конференции «Андалузский симпозиум по славянским исследованиям» (Гранада, Испания, 2014), XIII Конгрессе МАПРЯЛ «Русский язык и литература в пространстве мировой культуры» (Гранада, Испания, 2015), VII Международной научно-практической конференции «Теория и практика языковой коммуникации» (Уфа, 2015), Международной научной конференции «Проблемы семантики, прагматики и когнитивной лингвистики» (Киев, 2015), Всероссийской научно-практической конференции «XII Житниковские чтения «Слово в тексте и русской культуре» (Челябинск, 2015), Международной научно-практической конференции «Язык и литература в научном диалоге» (Ижевск, 2016), Международной научной конференции «Русистика и современность. Старые вопросы, новые ответы» (Катовицы, Польша, 2017), V Международной конференции «Дни андалузских научных исследований по славистике» (Гранада, Испания, 2019), XVI Испано-русских встречах по проблемам перевода (Гранада, Испания, 2019), XIV Международной конференции «Актуальные проблемы обучения русскому языку XIV» (Брно, 2020), IV Всероссийской научной конференции «Когнитивные стратегии филологического образования» (Екатеринбург, 2021).

Основные идеи и положения диссертации отражены в двух монографиях «Коммуникация в современной научной парадигме», «Слово и молчание в русском коммуникативном поведении», в 37 публикациях автора, в том числе в 17 изданиях, рекомендованных ВАК РФ (одна из которых включена в базу данных Web of Science), в четырех включенных в базу данных Web of Science, в одном учебном пособии. Основные положения диссертации обсуждались на заседаниях кафедры русского языка,

теоретической и прикладной лингвистики ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» (2012, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019, 2020, 2021).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка литературы, включающего 524 наименования, трех приложений. Общий объем работы – 354 страницы. В приложениях отражены результаты анализа репрезентации молчания в русском языке в диахронии, результаты частотного анализа употребления единиц семантического поля «толерантность», а также приведен глоссарий по теории молчания.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обозначены актуальность и новизна исследования, его теоретическая и практическая значимость, сформулированы цель, задачи, методы работы, определены объект, предмет исследования.

Первая глава «Молчание: история изучения» посвящена теоретическим аспектам лингвистического исследования категории молчания, которому предшествует философское и художественное осмысление данного феномена (п. 1.1). В лингвистике молчание начинает изучаться как универсальная коммуникативная категория, характеризующая человеческое общение в целом, вне зависимости от национально-культурной принадлежности говорящего. Выделяется несколько направлений в исследовании молчания (п. 1.2), объединенных тем, что прагматика говорения переносится на его отсутствие: молчание анализируется с точки зрения адресованности, целенаправленности, способности образовывать речевой акт. Подобно слову, молчание многозначно и полифункционально (п. 1.3). Оппозиция молчания говорению (слову), их естественное чередование в речи, создающее определенный ритм, обусловили традиционный взгляд на молчание как коммуникацию невербальную. Однако анализ работ, нацеленных на разграничение вербальных и невербальных компонентов общения, а также на исследование звука и его восприятия, позволил сделать вывод о том, что статус молчания как средства невербальной коммуникации в современной лингвистике еще не определен (п. 1.4). По мнению многих ученых, для полного объективного научного описания молчания недостаточно того понятийно-терминологического аппарата, который используется в языкознании с целью исследования материально выраженных знаков. В рамках данной работы мы вводим в описание коммуникативных явлений термин *вокализация*, процесс звукового выражения вербальной и невербальной речи, акт произнесения, характеризующий завершающую стадию порождения речи.

Отметим, что масштабное обращение к молчанию происходит во второй половине XX века в контексте повышенного интереса к коммуникации, развития теории речевых актов, что, на наш взгляд, задало вектор в исследовании молчания, значимого для коммуникации. Коммуникативно значимое молчание – это нулевой знак, нулевое высказывание, текст, функционирующий в особом рода речевом акте – нулевом (п. 1.5).

Многозначность и полифункциональность нулевого текста обусловили тот факт, что исследования, связанные со сферой молчания, многоаспектны, однако они до сих пор не сведены к единой целостной системе. Нами были обозначены различные подходы к анализу молчания (п. 1.6). Известно несколько попыток создания алгоритмов декодирования нулевого текста. Они основаны на определении функций (С. В. Меликян), на реконструкции интенции молчащего (Д. Курзон), на различных релевантных признаках молчания говорящего или слушающего (А. Яворски).

Когнитивно-дискурсивная парадигма выявляет недостаточность в изучении молчания. Остаются без должного научного освещения следующие проблемы: сужение молчания как предмета исследования до знака, механизмы восприятия молчания с последующей адекватной интерпретацией его адресатом, носителем определенного языкового сознания. Лингвистическое описание молчания требует нового осмысления (п. 1.7).

Вторая глава «Коммуникативный потенциал категории молчания» посвящена анализу различных типов коммуникативного взаимодействия, результаты которого, во-первых, указывают на частотность обращения участников общения к молчанию, как инициативному, так и ответному, во-вторых, показывают, что объективное всестороннее описание видов молчания требует уточнения понятий и терминов.

Функционируя в коммуникации, молчание может либо замещать другие коммуникативные элементы, либо не иметь подобной альтернативы. В зависимости от этого обозначим молчание как **эквивалентное** и как **безэквивалентное** (п. 2.1).

Разновидностью безэквивалентного молчания является **пауза** (п. 2.1.1). К основным параметрам паузы относятся качественные и количественные характеристики. Данные параметры легли в основу разграничения коммуникативно значимого молчания (КЗМ) как преднамеренного длительного отсутствия речи и ненамеренной кратковременной паузы (С. В. Меликян). Поскольку обширные смежные исследования средств сегментации речи (О. А. Александрова, Л. М. Борисова, В. В. Иваницкий, Г. Н. Иванова-Лукьянова, Э. Б. Яковлева и др.) ставят точку зрения С. В. Меликян под сомнение, вопрос соотношения паузы и КЗМ считаем открытым. Для решения этого вопроса обратимся к устным публичным текстам, позволяющим изучить особенности функционирования паузы и ее восприятия участниками коммуникативной деятельности.

Анализ публичных речей Э. Радзинского, Д. Киселева показал следующее. В публичной речи Э. Радзинского длительные паузы создают напряжённость, обеспечивают динамичность текста, подчёркивают значимость слов; в сочетании с разными средствами выразительности усиливают воздействие на адресата. Д. Киселев с помощью паузы нарушает привычные для носителей русской коммуникативной культуры ритм и интонации. Паузы расставляют логические ударения, посредством чего ведущий программы «Вести недели» акцентирует внимание адресата на событиях повышенной важности, особенно в частях предложения, не предназначенных для синтаксического деления. Таким образом, употребление паузы может быть осознанным, преднамеренным.

Для разграничения паузы и КЗМ на основании длительности (количественной характеристики) был проведен лингвopsихологический эксперимент, в ходе которого участникам были предложены звучащие тексты с просьбой охарактеризовать особенности восприятия паузы. Помимо решения главного вопроса, возможно ли разграничить паузу и молчание по длительности звучания, эксперимент был нацелен на решение сопутствующих вопросов, расширяющее наше представление о паузе и ее восприятии: 1) что первично для обозначения прерывания речи как кратковременного или долговременного действия: время звучания или восприятие адресатом; 2) является ли длительность паузы объективным показателем восприятия ее семантики, то есть характеризующим восприятие всех носителей русской коммуникативной культуры, или субъективным, присущим восприятию конкретного слушателя; 3) зависит ли восприятие кратковременного или долговременного прерывания речи от типа паузы.

Эксперимент проходил в три этапа. На этапе 1 участникам предлагались аудиотексты, состоящие из вопроса и ответа с различным временным интервалом.

Особенность микротекста заключалась в том, что для реципиентов предмет речи был нейтральным, говорящий и коммуникативная ситуация неизвестны. В ходе анализа реакции слушателей были важны следующие параметры: фиксация / нефиксация адресатом звучащей паузы, оценка ее реципиентами с точки зрения краткости / долготы, естественности / неестественности долготы. На этапе 2 участники эксперимента оценивали паузы законченного смыслового звучащего отрезка. Требования к подбору текстов: 1) разная степень подготовленности (подготовленный текст, частично подготовленный текст, неподготовленный текст); 2) разные характеристики говорящего (пол, возраст, статус, профессия и др.). На этапе 3 реципиенты не просто выделяли неестественные с точки зрения длительности звучания паузы, но и давали оценку предмету текста / говорящему.

К основным выводам данного эксперимента относим следующие.

1. Длительность паузы является относительным показателем, так как зависит от типа паузы и восприятия адресатом не только временного прерывания речи, но и всей коммуникативной ситуации в целом. Объективностью отличаются в основном количественные показатели синтаксической паузы, отражающие естественный ритм и закономерность членения речи национального языка.

2. Чаще всего реципиентами фиксируются и характеризуются как неестественные паузы хезитации. Из всех типов речи реципиенты выделяли данные паузы в подготовленных текстах: адресат «улавливал» их воздействующий эффект.

3. В случае *нейтрального / позитивного отношения* адресата к предмету речи / ее субъекту паузы воспринимаются адресатом как естественные, даже если превышают средний показатель по шкале *кратковременность / долговременность* (средний показатель был выявлен на этапе 1). Неестественные паузы по шкале *кратковременность / долговременность* не мешают восприятию, не вызывают негативных эмоций. При *отрицательном отношении* адресата к предмету речи / говорящему паузы фиксируются, воспринимаются как неестественно долгие, вызывают дискомфорт у слушающего (реакции *мешает, нервирует, раздражает*).

Таким образом, *краткость / длительность* и *ненамеренность / преднамеренность* как относительные и субъективные показатели не могут служить релевантными признаками при разграничении паузы и КЗМ в речевой коммуникации. Пауза прерывает звучащую речь. Если восстановить разрыв речевого потока, убрать паузу, с информационной точки зрения высказывание будет равно самому себе. Речевое высказывание с паузой и речевое высказывание без паузы по содержанию полностью эквивалентны, они отличаются по времени звучания либо по времени звучания и силе воздействия на адресата. Пауза – безэквивалентна. Это разновидность безэквивалентного молчания, которая, в зависимости от типа, выполняет свои определенные функции (членение речи, выделение и др.). В силу этого длительная пауза не переходит в молчание как знак; она становится затянувшейся, тягостной, вызывающей коммуникативный дискомфорт.

Коммуникативно значимое молчание – текст во взаимодействии, знак, а пауза – средство членения речи, средство воздействия, элемент, значимый для успешной коммуникации.

К безэквивалентному молчанию в коммуникации мы относим и **молчание опустошенное** (п. 2.1.2), молчание вследствие того, что душевные силы покидают человека (опустошенный – «лишенный нравственных сил, не способный к творческой,

активной жизни»³. Подобное молчание – не просто отказ от речи; оно вне мотива, вне интенциональности, вне коммуникации. Попытки втянуть собеседника в общение обречены на неудачу. Однако опустошенное молчание мы рассматриваем в контексте коммуникации, в отличие, например, от физиологического, в силу того, что молчащий является частью коммуникативного пространства другого; коммуникативное поведение молчащего корректирует коммуникативное поведение партнеров по общению. Ярким примером подобного молчания является молчание Веры из повести Л. Андреева «Молчание». Выраженные в молчании душевная пустота, скука закончились смертью героини.

Эквивалентному молчанию и его разновидностям посвящен параграф 2.2. Молчание в коммуникации может замещать *невербальные элементы* (п. 2.2.1). В случае, когда субъект находится под воздействием сильных эмоций, он физически не способен к материально выраженной реакции на внешний раздражитель. Данное молчание (невокализованный невербальный компонент) носит спонтанный характер, оно не контролируется субъектом, не направлено на другого. В русской художественной литературе подобная реакция коммуникантов выражена с помощью единиц: *оторопеть, остолбенеть, впасть в ступор, оцепенеть, обомлеть* и др. Не являясь интенциональным, подобное молчание во взаимодействии несет информацию о состоянии молчащего: «Увидев Наташу, Николай Иванович **обомлел. Несколько справившись с собой, весь красный как рак, он объявил, что счел долгом поднять рубашечку, лично принести ее... Расшались в спальне, Наташа мазнула кремом Николая Ивановича и сама **оторопела от удивления. Лицо почтенного нижнего жильца свело в пяточок, а руки и ноги оказались с копытцами**» (М. Булгаков. Мастер и Маргарита). Молчание, вызванное сильными эмоциями, когда человек не способен к речевым и неречевым коммуникативным действиям, обозначим как **аффектное молчание** (аффект – «приступ сильного нервного возбуждения (ярости, ужаса, отчаяния)»⁴; «состояние кратковременного сильного нервного возбуждения (обычно с потерей самоконтроля)»⁵. Аффектное молчание, как и опустошенное, не носит деятельностный характер, не обладает интенциональностью. Но если опустошенное молчание говорит о нежелании субъекта вступать во взаимодействие, то аффектное молчание – о невозможности совершить какое-либо действие, как речевое, так и неречевое. Опустошенное молчание продолжительно, длительно. Молчание вследствие невозможности совершить действие – мимолетно, кратковременно. Субъект речи достаточно быстро возвращается к контролю над своей деятельностью. Аффектное молчание – не интенциональное, но значимое для коммуникации: оно позволяет коммуниканту считывать состояние собеседника.**

Адресант может и сознательно отказаться от паралингвистических элементов в пользу молчания, иметь интенцию:

(1) – *Ой ли! Ну смотри... И он прямо из горлышка влил ему в оба отверстия раны черноватой, жгущейся жидкости. Сергей сдержал крик, вынес боль молча. – Эх молодец! – заговорил Федька. – А у нас этого еду боятся, – страсть!* (Аркадий Гайдар. В дни поражений и побед).

(2) – *Что дальше? – спросил он, взглянув на старика в зеркало заднего вида, и вдруг увидел на его лысине «опознавательный знак», о котором говорил Варламов. Родимое пятно. Совпадение он исключил сразу и потому едва сдержал возглас удивления.*

³ Евгеньева, А. П. Словарь русского языка: в 4-х т. / А. П. Евгеньева. – Москва: Рус. язык, 1999.

⁴ Там же.

⁵ Кузнецов, С. А. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург: Норинт, 2014. – 1536 с.

Заглаживая свою оплошность, Савелий улыбнулся. Однако старик заметил его замешательство. – Есть проблемы? (Виктор Доценко. Срок для Бешеного).

Интенциональное молчание в структуре невербальной коммуникации реализует практически единственную коммуникативную тактику – скрыть информацию от собеседника. Такая функциональная дефицитность обусловлена тем, что намерением субъекта не является материально выраженное высказывание, в отличие от молчания вместо слов, сопровождающегося невербальными компонентами, которые вкупе с коммуникативной ситуацией позволяют создавать множество смыслов. Молчание как эквивалент невербальной коммуникации контролируется субъектом, оно интенционально, адресно, однако не фиксируется, следовательно, не интерпретируется собеседником.

К эквивалентному молчанию в структуре речевой коммуникации (невокализованному компоненту, в отличие от говорения) относится молчание вследствие **табу** – табуированное молчание (п. 2.2.2). Табу в самом широком смысле понимается как запрет на какие-либо действия, в том числе речевые. Традиционно табу рассматривается в контексте коммуникативной культуры, поскольку имеет социокультурную обусловленность, зависит от эпохи. Табу – это свод определенных конвенциональных норм, нацеленных на запрет, который в речи реализуется с помощью, во-первых, эвфемизации, во-вторых, подмены текста, в-третьих, отказа от высказывания. Во всех этих случаях мы имеем дело с невысказанным, нереализованным, текстом.

Определим основные темы русского табуированного текста и тактики ухода / отказа от его реализации. Материалом анализа послужили тексты бытовых интернет-форумов. Выбор материала обусловлен, прежде всего, возможностью привлечь к анализу большой массив текстов, позволяющий получить достоверные результаты. Немаловажным фактором при выборе материала явились особенности интернет-коммуникации: анонимность, снижение психологических рисков, современность.

В ходе анализа было выявлено, что пользователи: 1) четко осознают область табуированного, запретного, понимают обусловленность культурой, социумом, эпохой (варианты ответов пользователей: *у русских не принято; в нашем обществе; у нас; в России, сейчас* и др.); 2) разграничивают табуированные темы для социума и для людей: для социума табу – это то, о чем *не выгодно* говорить, для человека табу – это то, о чем *неприятно* говорить. Часто табуированные темы не совпадают на институциональном и персональном уровнях: например, табуированной в обществе является тема невыгодных политических взглядов, а на уровне межличностного общения такое табу отсутствует.

В ходе анализа было выявлено, что темы нереализованного текста как имеют социокультурную обусловленность, так и зависят от индивидуальных коммуникативных предпочтений пользователей. Одним из ярких примеров запретной темы можно назвать тему конфликта с Украиной. Имея огромное количество украинских родственников, друзей и коллег, россияне в бытовом общении предпочитают не поднимать эту тему, в то время как в политической и массовой коммуникации это одна из самых частотных тем обсуждения.

Кроме запретных, нами были выделены темы, вызывающие дискомфорт в общении; табуированность данных тем носит индивидуальный характер. Респонденты обозначали их как **неудобные, скользкие, щепетильные, больные (болезненные), личные**. Анализ текстов интернет-форумов позволил разграничить данные темы, выделив релевантные признаки.

Неудобные темы противоречат позиции адресата, его мировоззрению. Характеризуют конфликтное общение, инициатор которого задает провокационные

вопросы, поднимает темы, изначально призванные вызвать чувство дискомфорта у собеседника, сильную эмоцию, что приводит к растерянному молчанию (*На словах все любители животных. На деле как надо помочь фонду. Все в кусты. Что замолкли-то?*). **Щепетильные темы** затрагивают личное, интимное, противоречащее общей морали. Участники форумов к щепетильным темам относят вопросы о замужестве (*Почему ты до сих пор не замужем?*), детях (*Деток-то нет? А что так?*), разнице в возрасте между супругами, суждения о внешних недостатках (*Марин, ну что-то ты пополнила, обабилась*), уличение в поведении, позиции, отличающихся от принятых (*Ты че по ночам-то жрешь? Вообще после б не едят*). **Болезненными (больными)** респонденты называют темы, связанные с их глубокими чувствами. К данным темам они относят детскую инвалидность, бесплодие, неудачи детей и т.п. Болезненные темы носят индивидуальный характер, у каждого участника общения своя болезненная тема: «*Болезненная тема: УДАЧНО выйти замуж? // Да? Это не так!!! Болезненная тема "Куда девался и второй!!?"*»)). По степени крайней индивидуализации выделяются **темы личные**. В отличие от других тем, личные темы практически не поддаются обобщению: у каждого человека есть индивидуальные табу и круг приватных тем. Пользователи называют проблемы со свекровью, неудачное образование, провалы на работе, моменты из жизни, которые вызывают стыд, интимные проблемы с партнером и мн. др.

Таким образом, запрет на высказывание может носить как общий характер, присущий коммуникативному поведению в целом, так и индивидуальный, определяющий речевое поведение отдельного носителя.

Рассмотрим основные тактики, позволяющие реализовать табу в ходе речевого взаимодействия. Материалом исследования послужили тексты виртуального межличностного общения на темы «беременность женщины» и «личная жизнь». В ходе анализа было выявлено, что основными тактиками являются следующие: неопределенный ответ, лаконичный однозначный ответ, прямой отказ от ответа, отзеркаливание (ответ вопросом на вопрос), ирония / шутка, утвердительный ответ с подчеркнута утрированным указанием на некорректное поведение собеседника, уход в пространные рассуждения, грубый ответ, смена темы разговора и др. Данные тактики реализуются посредством подмены потенциального (нереализованного) текста другим. Нереализованный табуированный текст часто сопровождается молчанием, указывающим на факт, что партнер по общению некорректно вторгается в личное пространство объекта речи. В этом случае молчание восстанавливает дистанцию общения, комфортную для коммуниканта, выполняет ограничивающую функцию. Молчание может давать время на выбор тактики прекращения неприятного разговора. Зафиксированы случаи, когда молчание само по себе прекращает разговор, сопровождается отказом коммуниканта от общения, демонстрацией обиды. Респондентами признается, что подобный уход является грубым, жестким, агрессивным.

Анализ текстов интернет-форумов показал, что уход от невысказанного текста, подмена исходного текста имеют следующие основные *интенции*: реализация запрета по социокультурным либо индивидуальным причинам, уход от некомфортной коммуникативной ситуации, защита собственного коммуникативного пространства.

Часто тактики ухода от неприятного разговора приводят к нарушению конвенциональных норм межличностной коммуникации, противоречат постулатам корпоративного общения и принципам вежливости. Современный коммуникант нацелен на сохранение собственного коммуникативного пространства и, как следствие, пресекает любые попытки вторжения в него, не заботясь о сохранении лица партнера по общению.

Частотным является употребление в речи грубо-просторечной, обценной лексики, не имеющее гендерной и возрастной обусловленности.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в современной коммуникативной культуре на периферию уходит табу на отдельное слово, в отличие от табуированных тем, которые могут иметь в тексте потенциальное развитие. Следовательно, табу – осознанно не свершившийся речевой поступок с нереализованным высказыванием, мотивированный как выполнением внешнего запрета, так и уходом от дискомфортной коммуникации. Молчание в структуре речевой деятельности способно выступать эквивалентом речевых поступков, речевых событий.

Практически всю логику лингвистических исследований молчания можно свести к тезису «молчание функционирует вместо слов» (п. 2.2.3). Изучение данного вида молчания позволило ученым сделать достаточно важные выводы: прежде всего молчание способно выражать то же самое множество смыслов, что и говорение; молчание может быть нулевым знаком и актом в структуре коммуникации (п. 2.2.3.1).

Замещая слова, молчание выступает как несказанное, непроговоренное, невысказанное. «Не удостоить ответом», «не проронить ни слова, ни звука», «не найти слов», «не знать, что сказать», «нет слов», «нечего сказать» и мн. др. Молчание, являющееся ответом вместо ожидаемых слов, обладает огромной силой воздействия: *«Полное молчание. Ни слова упрёка. Это молчание было всего страшнее. Молчание может казнить»* (Ю. Трифонов. Дом на набережной).

Анализ художественной литературы позволил сделать вывод, что к молчанию прибегают, когда переполняет обида, горечь, боязнь сказать хотя бы одно слово и тем самым выпустить эмоцию наружу: *«Он хотел бы высказать самое нутро обиды, выкинуть из себя накипь, боль жгучую – и не находил слов»* (И. С. Шмелев. Гражданин Уклекин). Молчание часто подчеркивает бессилие, ограниченные возможности слов, их бесполезность: *«Я стал спорить, ругаться с ними, но вдруг почти с ужасом почувствовал, что у меня нет желания, нет слов защищать студентов»* (М. Горький. Мои университеты). В молчании отражаются ценности национальной культуры, ментальности. Лучше промолчать, чем обидеть. Словом можно ранить, сделать больно, молчание же более сочувственно: *«Несмотря на то, что, готовясь к этому свиданию, она учила себя презирать и обвинять его, она не знала, что сказать ему, и ей было жалко его. И так молчание продолжалось довольно долго»* (Л. Н. Толстой. Анна Каренина).

Молчание функционально дефицитно по отношению к слову, поскольку раскрывает смысл только в контексте. Однако есть ситуации, когда нулевой знак более точен и информативен, чем материальный. Речь идет о выражении чувств и эмоций человека. Именно такое молчание является структурообразующим элементом рассказа Л. Андреева «Герман и Марта». Еще в молодости Марте Иконен и Герману Метанен было понятно, что случайная встреча в лесу – это начало любви, которая длилась долгие годы. И за это время влюблённые не нарушили молчание ни разу. Оба в унисон чувствовали одно и то же: как «молодая поросль», медленно, «весною и летом быстрее, зимою совсем останавливалась», росла их необыкновенная любовь.

Познавать природу человека, его внутренний мир через молчание в традиции русской художественной литературы. В творчестве Ф. М. Достоевского молчание, подобно слову, диалогично; в произведениях автора – яркие образцы молчаливого коммуникативного поведения человека, осмысление которых обогащает теорию молчания. В произведении «Кроткая» молчание рассказчика – максимально эффективное средство достижения поставленной цели: в зависимости от его интенсивности и

продолжительности во времени, молчание меняет силу своего воздействия. В этом случае молчание не просто действие, оно может расширяться до действия, деятельности (п. 2.2.3.2).

Молчание героя – часть хорошо продуманного плана, реализуя который герой постоянно анализирует каждое свое слово, чтобы контролировать, не отступил ли он от своей идеи. Постоянная рефлексия позволяет ему корректировать запланированное, выбирать действия, которые максимально быстро приведут его к цели.

Какой деятельностью является молчание: внешней или внутренней? Повесть строится на исповеди-монологе рассказчика с вкраплениями прямой речи, внутренними монологами, позволяющими составить полную речевую характеристику героя.

Во внутренней речи рассказчик предстает довольно искренним, эмоциональным человеком; речь его изобилует восклицаниями, риторическими вопросами, эмоционально-оценочной лексикой. Внешняя речь отличается покровительственным тоном, учтивостью, холодностью, снисходительностью, малословием – всем, что подчеркивает превосходство, дистанцированность от собеседников, их проблем. Умение говорить полушутками, полутонами, намеками вызывает у всех чувство дискомфорта, неуверенности в себе, растерянности. Внешнюю речь характеризует молчание. Посредством молчания герой добивается задуманного, заставляет людей действовать по его плану, а внутренне скрупулезно анализирует цинизм своих поступков.

Таким образом, молчание не свойственно внутренней речи, в диалоге с самим собой нет необходимости воздействовать молчанием. Внутренняя речь не адресна. Даже в том случае, когда герой мысленно обращается к своим товарищам по полку, он спорит с собой, доказывает свою правоту самому себе. Внутренняя речь сопровождается молчанием как физиологическим состоянием человека вне говорения.

Возможность молчания структурировать внешнюю речевую деятельность зависит от интерпретации его адресатом (п. 2.2.3.3).

Рассказчиком описан диалог, где одно молчаливое действие сменяет другое. В данном взаимодействии, растянутом во времени, не прозвучало ни одного слова. И это не факт отказа от взаимодействия вообще: адресат подчеркивает молчание как сознательно выбранное средство в поединке с Кроткой. Обратившись к своему опыту общения с мужем, безоговорочно приняв все его правила, Кроткая без слов все поняла: «он все видел и все знает».

Таким образом, молчание приобретает способность интерпретироваться только в коммуникативном фрагменте, большем, чем однонаправленное речевое действие (речевой акт). Чем крупнее по охвату коммуникативных действий событие, тем более информативным становится молчание для адресата, тем больше возможностей для его интерпретации. Вовлеченность адресата в коммуникативное пространство субъекта, в его дискурсивную деятельность позволяет вести эффективное взаимодействие без слов.

Проблема интерпретации молчания напрямую связана с проблемой акта с нулевым, материально невыраженным, текстом (п. 2.2.3.4). Модель акта молчания включает в себя те же компоненты, что и другие акты коммуникации, но осложняется обратной связью, несущей информацию об эффекте, произведенном молчанием на адресата. В модели акта молчания центром становится перлокутивный акт. Отсутствие перлокутивного эффекта лишает молчание коммуникативности: молчание из деятельности переходит в молчание как физиологическое состояние человека. Нулевой текст не имеет материальной выраженности, он условен, поскольку восстанавливается адресатом из общей

коммуникативной ситуации. **Молчание становится текстом только в момент интерпретации его адресатом.**

Молчание приобретает свою материальность в коммуникативном поведении адресата, измененном под воздействием нулевого текста. Так, смирилась и замкнулась в покорном молчании Кроткая, героиня повести Ф. М. Достоевского; рассказчик в произведении С. Довлатова испытывал перед женой вину, доводящую его молчанием до чувства бессилия: «Я выходил из себя – жена молчала. Молчание – огромная сила. Надо его запретить как бактериологическое оружие» (С. Довлатов. Наши).

По степени адекватности интерпретации молчания выделим пять типов актов, функционирующих в коммуникативном взаимодействии.

- **1-й тип**, когда субъект речи достигает своей коммуникативной цели, то есть объект воздействия воспринимает молчание, интерпретируя, достаточно полно / точно раскрывает смысл нулевого текста.

ТЕКСТ СУБЪЕКТА = ТЕКСТ ОБЪЕКТА

(3) *Вновь Андрей услышал сладостное щебетание заморской птицы, дверь открыла большезлазая и большеротая женщина, которая всё поняла без слов. Московский инженер Сургеев был вымыт, накормлен и напоен отварами целебных трав* (Анатолий Азольский. Лопушок).

- **2-й тип**, когда субъект частично достигает своей коммуникативной цели, то есть объект воспринимает молчание, но, интерпретируя, наделяет текст субъекта и своим содержанием, частично изменяет его.

ТЕКСТ СУБЪЕКТА ≈ ТЕКСТ ОБЪЕКТА

(4) *Мешал и сидевший впереди шофер, и их с Бастрюковым обоюдное служебное положение. Бастрюков понял его молчание по-своему. «Замолчал, потому что нечем крыть», – подумал он и от чувства собственного превосходства подобрел настолько, что все же решил выставить к ужину водку* (Константин Симонов. Так называемая личная жизнь).

- **3-й тип**, когда субъект не достигает своей коммуникативной цели, так как объект не фиксирует молчание, не воспринимает его как коммуникативный стимул или воспринимает, но не реагирует (коммуникация не состоялась).

ТЕКСТ СУБЪЕКТА = ∅

(5) – *А вчера у меня опять Лидка была... интересная, брат, девка!.. Огонь!.. Танаров обиженно молчал. Зарудин, не замечая, медленно прошелся по комнате, и глаза у него оживленно смеялись каким-то воспоминаниям* (М. П. Арцыбашев. Санин).

- **4-й тип**, когда субъект не достигает своей коммуникативной цели, так как объект воспринимает молчание как текст, но интерпретирует неадекватно.

ТЕКСТ СУБЪЕКТА ≠ ТЕКСТ ОБЪЕКТА

(6) *Он понимал, к чему клонились эти вопросы князя. Он сознавал, что счастье его жизни должно было решиться сегодня, и князь начал разговор об этом именно сегодня, почти сразу после того, как Карл мог воочию убедиться, что счастье не суждено на его долю... А князь, довольный своими мечтами и довольный тем, что пора приводить их в исполнение, не спеша рассказывал, что он в переписке с отцом Карла решил многое: что старик барон выедет на днях из Петербурга и что если Карл не знает, в чем дело, то это «многое» заключается в сватовстве его, Карла, к княжне, для чего-де и едет сюда барон Эйзенбах.*

– Твой батюшка, вероятно, писал тебе о наших предположениях, – со мной можешь говорить без обиняков, – продолжал князь. – И едва ли, я думаю, ты будешь несчастлив... **Карл молчал.**

Князь истолковал это молчание по-своему и продолжал:

– <...> мне желалось бы услышать от тебя самого, что она будет счастлива с тобою, потому что только тогда я буду спокоен окончательно, чтобы прожить остаток дней своих в ненарушимой радости.

– **Этого быть не может!** – вырвалось вдруг у Карла (М. Н. Волконский. Воля судьбы).

• **5-й тип**, когда субъект не вступает во взаимодействие, не имеет намерения, не создает текст, не входит в коммуникативное пространство субъекта, но объект воспринимает «ничто» за молчание, интерпретируя его, создает свой собственный текст. Субъект – невольный участник взаимодействия.

∅ = ТЕКСТ ОБЪЕКТА

(7) Он долго **не замечал любовного напряжения, исходящего от новой аспирантки** <...> Главное препятствие – о чём Валентина и не догадывалась – состояло в том, что Илья Иосифович оценивал женскую привлекательность по одному-единственному показателю: насколько рассматриваемый предмет приближался к образу его покойной жены (Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого).

Уточнение понятийно-терминологического лингвистического аппарата, введение новых терминологических единиц позволили определить статус молчания в структуре вербальной и невербальной коммуникации, обозначить разнообразные виды молчания, значимого для процесса общения (п. 2.3).

В третьей главе «**Национально обусловленная специфика категории молчания**» доказывается, что категория молчания отличается не только общим, но и специфичным, формирующимся исторически под влиянием национальной лингвокультуры и религиозно-философской системы.

Ученые, изучающие молчание, обнаруживают факт, что многие языки различают как минимум два типа молчания: *silence – se taire* (фр.), *chweigen – stille* (нем.), *milczenie – cisza* (польс.), *silencio – callar* (исп.) и др. Несомненным является и то, что более богатая фиксация идеи молчания в том или ином языке культурно обусловлена, является следствием определенного мировоззрения, оказывающего влияние на становление языкового сознания в целом, национального коммуникативного поведения в частности.

В современном русском языке идея молчания выражена множеством языковых единиц: *молчание, тишина, тишь, безмолвие, ничто, пустота, пауза* и др. (п. 3.1).

Обращение к текстам русской художественной литературы позволяет построить поле сочетаемости анализируемых единиц.

Как и мир человека, молчание проникнуто эмоциями: оно может быть *глубоким, индифферентным, холодным, укоризненным, невозможным, осторожным, обреченным, гробовым, тяжелым, тягостным, угрюмым, тревожным, напряженным, настороженным, неодобрительным, ватным, безнадежно глухим и неотзывчивым, невразумительным, затруднительным, благовейным, натянутым, томительным, странным* и др. Оно может *наступить, воцариться, обрушиться*. В молчание можно *погрузиться*, его можно *разбить, нарушить, прервать*, на молчание можно *обречь, осудить*.

Тишина – еще один репрезентант идеи молчания в русской культуре. Тишина не подвластна человеку, она не характеризует отношения, в которые вовлечен человек. Поле сочетаемости подтверждает ее индифферентность: *тишина немая, бесстрастная, неземная, глубокая, невозмутимая, торжественная, священная, безмятежная, бесконечная, «чуждая всему миру»*. Тишина прекрасна, когда молчит природа: она

царствует, зачаровывает, она естественна, светла. Такая тишина является несомненной ценностью в русской культуре, она эстетична, созерцательна.

Тишина в мире природы противопоставлена тишине в мире человека как *неестественной, невыносимой, глухой, жестокой, равнодушной, жуткой, давящей душу*. Часто такая тишина ассоциируется со смертью, последним покоем.

Молчание, тишина, тишь, безмолвие... Особый статус молчания в русской лингвокультуре складывался исторически под влиянием религиозно-философской системы Древней Руси.

Анализ исторических словарей позволяет сказать о двуаспектном развитии семантики единицы *молчание*: ‘отсутствие речевой деятельности’ (прагматическое молчание) и ‘духовная практика’ (ритуальное молчание).

(8) *А ему де Акаску дали за **молчалъ** (млъчание) пай, чтобы онъ на нихъ не сказалъ. А., кунгур., 26. 1675 г.*⁶

(9) *Не подобьна ли дша (душа) кротъкаго пустыни, въ ней же велико **млчание** есть и тихо все. Златостр., 92. XII в.*⁷

Ритуальное молчание создает широкие семантические связи с единицами *безмлъвие, безмлъвьствие, тихость, тихота, тишина*, обусловленные влиянием христианского мировоззрения, становление которого происходит параллельно с развитием письменной языковой системы. Молчание как ритуал сопровождается смирением и душевным покоем, обозначенным в языке как *безмлъвие*, приводящим к кротости, спокойствию – *тишине*.

Со временем молчание перестает быть ритуальным, становится больше ритуала – частью русской культуры. Так, идея молчания лежит в основе русской иконописи – молчаливой живописи, где молчание граничит с созерцанием, молитвенным актом, направленным на постижение смысла бытия; с молчанием как некой духовной практикой связана и философия юродства, которая перерастает идею западного аскетизма.

Именно такое молчание, нацеленное на познание себя, бытия, Бога, граничащее с умением созерцать, ‘вникать во что-либо мысленно, разумомъ, духомъ’⁸, становится несомненной ценностью русской культуры, частью русского мировосприятия и обуславливает репрезентацию молчания в русском языке. Речь идет не только о единицах, реализующих компонент ‘ритуальное молчание’, но и об основных репрезентантах идеи молчания в целом: в русской лингвокультуре разграничено *молчание* как отказ от речи, *безмолвие* как уход от мирской суеты и *тишина* как достигнутое состояние благодати.

(10) *Паче же безмлъвие любяше и **млчанию** прилежаше, отъ того и млчальникомъ прозван бысть. Рог. лет., 153-154.*⁹

(11) ***Безъмолвие** съ трезвъниемъ оудержавы чрево. оумалить стр(с)ти. ИларПосл XI сп. XIV, 198.*¹⁰

(12) *Въ **тишинѣ** пребываетъ душа и въ мирѣ глоубоцѣ. Никиф. м. Посл. Влад. Мон. 62.*¹¹

Впоследствии компонент ‘религиозный акт’ уходит на периферию значения единицы *молчание*, но умение созерцать, молчать с целью самопогружения,

⁶ Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 9 (М). – Москва: Наука, 1982. – 358 с.

⁷ Там же.

⁸ Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – Москва: АСТ Астрель, 2009. – 474 с.

⁹ Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 9 (М). – Москва: Наука, 1982. – 358 с.

¹⁰ Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.). В 10 т. Т. 1. А-възаконатиса / гл. ред. Р. И. Аванесов. – Москва: Рус. яз., 1988. – 530 с.

¹¹ Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. В 3 т. Т. 3. Р-Я / И. И. Срезневский. – Санкт-Петербург: Тип. Имп. АН, 1912. – 996 с.

самопознания обуславливает новые компоненты, связанные, с одной стороны, с немногословием, неразговорчивостью как склонностью человека, с другой – со способностью носителя русской лингвокультуры ‘выражать и понимать без слов’ как особенностью русского коммуникативного поведения. Молчание направлено на совершенствование души, погружение в молчание нацелено на качественное изменение внутреннего Я, на согласие с самим собой.

(13) *Нравится в ней мнѣ паче, ея Молчание, Скромность, Уединение, и в трудах неусыпна Прилѣжность. Трд. Тилем. II 181. Когда ты хочешь быть здѣсь весел и щастлив? Так ты не должен быть дѣтинушка болтлив; Молчание всево на свѣтъ сем дороже. Майк. Ел. 35.*¹²

(14) *Хотяб уста и замолчали, Но сердцу можно ли молчать Когда разят его печали? Спб. ж. I 257. Природа вся жива, и жизнью вѣчно дышет .. Лишь сердцем не молчи, С тобой бесѣдуют и горы и ключи. ММ III 39.*¹³

(15) *Гармония заключила во объятия своего супруга, и сим молчащим отвѣтом увѣрила его, паче нежелъ словесами, что она Кадма не оставит. Хрс. Кадм 94.*¹⁴

Исторически лексема *молчание* семантически более узка по сравнению с единицей *тишина*. Тишина – отсутствие звуков вообще. Тишина – состояние и человека, и природы, и окружающего мира. Молчание изначально чаще характеризует человека.

Религиозно-духовная практика, отражающаяся в парадигме *молчание* – *безмолвие* – *тишина*, повлияла на современное функционирование данных лексем, сделала его более сложным, обусловила употребление слова *безмолвие* в значении ‘полное молчание’, ‘полная тишина’, а слов *тишь*, *затишье* – ‘спокойствие в мире природы’, а слова *тихость* – в значении ‘кротость, покой в душе’.¹⁵

(16) *Величайшее безмолвие царило окрест. Сдавалось, что всяческое звучание гложет в густой воде и тяжком воздухе пустыни. Паустовский, Кара-Бугаз.*¹⁶

(17) *Дремлет чуткий камыш. Тишь – безлюдье вокруг. Н. Никитин, Утро.*¹⁷

(18) *Гордыней-то ничего не возьмешь, а ежели тихостью, смиренством, ну так... С бариним завсегда можно обойтись, потому, барин – он добрый. Эртель, Записки степняка.*¹⁸

Репрезентация идеи молчания в русской языковой картине мира характеризуется как общими, так и специфическими чертами. Общими по сравнению с другими языками, например испанским, являются компоненты, связанные с обозначением отсутствия речевой деятельности, звуков, шума, жалоб и протестов, ответа, в том числе письменного. До XX века на значение анализируемых единиц оказывают влияние католицизм и православие, что отражается в компонентах: ‘добровольный отказ от речи’, ‘название лиц, отказавшихся от речи’, ‘мест, способствующих святому молчанию’. В XX веке словарями данные компоненты часто не фиксируются.

Специфичным для русского языка является большое количество единиц, репрезентирующих молчание как духовную практику, указывающих не только на факт добровольного отказа от речи как некий церковный ритуал (как, например, *silencio*), но и на молчание как на отшельнический образ жизни, как на состояние человека, связанное с духовной созерцательностью, молитвенным состоянием духа (*млъчание*), с успокоением,

¹² Словарь русского языка XVIII века. Вып. 13. / гл. ред. Ю. С. Сорокин. – Санкт-Петербург: Наука, 2003. – 272 с.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Евгеньева, А. П. Словарь русского языка: в 4-х т. / А. П. Евгеньева. – Москва: Рус. язык, 1999.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

душевной гармонией, душевным состоянием благодати (*тишина, тихота, тихость*). В современной русской лингвокультуре уникальными являются компоненты: 'молчаливость как склонность человека к молчанию', 'выражаемый / осуществляемый и понимаемый без слов', указывающие на широкую интерпретационную возможность нулевого текста. Отметим и возросшее количество компонентов, связанных с обозначением преднамеренности молчания, когда важным моментом является недосказанность, то есть частичное молчание, неупоминание как полное молчание.

Релевантными, как следствие, приобретающими свою собственную языковую фиксацию, для русского языка становятся следующие компоненты: 'преднамеренное, умышленное молчание' (*умалчивать / умолчать, умолчание; замалчивать / замолчать, замалчивание; промолчать*); 'момент наступления молчания' (*умолкать / умолкнуть, смолкать / смолкнуть, замолкать / замолкнуть, замолчать*); 'сдержанность коммуникантов в речевой деятельности' (*смолчать, промолчать*); 'контроль коммуникантов над своей речевой деятельностью, воздержание от ответа, подавление эмоций' (*смолчать*); 'отсутствие ответа' (*промолчать, смолчать*); 'продолжительность молчания' (*помолчать, промолчать, намолчаться*); 'склонность к молчанию' (*молчаливость, молчаливый*); 'носитель признака' (*молчун*).

В основе раздела 3.2 лежит идея связать семантику глаголов молчания со стоящими за ней особенностями коммуникативного поведения носителей русской лингвокультуры. Глаголы *молчать / безмолвствовать, промолчать / помолчать / смолчать, отмолчаться, намолчаться, перемолчать, замолчать, умалчивать / замалчивать* обозначают в языке отдельные коммуникативные действия субъекта, составляющие коммуникативный акт; являются базовой характеристикой коммуникативного поведения. За производными глаголами, благодаря префиксам, закрепляются определенные значения, сужающие, конкретизирующие значение глагола *молчать*.

Ср.:

(19) *Петрович замолчал, видно, вылив самое горькое. Он помолчал, а потом спросил, поднимая на Корытина по-детски недоуменный взгляд.*

(20) – *Я ее встретил на Птичьем рынке. А знаете, что она там делала? – Я сделал длинную паузу, чтобы окончательно поразить дядю Шуру: – Она искала собаку... породы чау-чау для своей дочери! Тут я замолчал и молчал долго-долго, но все-таки перемолчать дядю Шуру не смог. Известно, у него редкая выдержка (В. Железников. Жизнь и приключения чудака).*

Анализ текстов показывает, что словарное значение глаголов молчания уже контекстуального: в коммуникативной ситуации оно расширяется и конкретизируется. Так, употребление глагола *промолчать* позволяет выявить обусловленность выбора данного коммуникативного хода.

1. Бессмысленность акта говорения:

(21) *Я хотел сказать, что тоже буду счастлив от них избавиться, но промолчал. Что значило мое мнение против мнения пятнадцати образцовых акульих любимцев? (Мариам Петросян. Дом, в котором...).*

2. Ответная реакция на риторический вопрос:

(22) – *А разве отличнику и комсомольцу драться полагается? Щупленков промолчал (А. А. Бек. В последний час).*

3. Уход от ответа:

(23) – *А на винтовке, между прочим, найдены его отпечатки пальцев.*

Я промолчал.

– *Не хотите говорить?* (А. Приставкин. Вагончик мой дальний).

4. Попытка утаить, скрыть информацию:

(24) *Утром про ночное происшествие он, естественно, промолчал* (А. Слаповский. Большая Книга Перемен).

5. Незнание информации:

(25) *Человека этот простейший вопрос поставил в тупик. Он промолчал* (А. Слаповский. Синдром Феникса).

6. Несогласие:

(26) *Я подумал, что это еще ничего не доказывает, хотя выглядит, действительно, странно – но, разумеется, промолчал* (В. Белоусова. Второй выстрел).

7. Определенные эмоции, чаще трусость, неловкость, стыд, удивление:

(27) *На суде он трусливо промолчал, что создал диверсионную группу из множества предателей Родины на этом заводе* (Б. Кенжеев. Из Книги счастья).

Особое внимание в разделе уделяется репрезентации компонента ‘преднамеренное молчание’, реализующейся с помощью глаголов *умолчать / умалчивать, замолчать / замалчивать*. В словарных статьях указывается на умышленность того и другого действия; у глагола *замалчивать* подчеркивается коннотация ‘злого умысла’. Анализ употребления показал, что лексема *умолчать* связана с речью, точнее, с ее отсутствием, ‘не сказать’; единица *замолчать* – с информацией, знанием, ‘не дать знать’. Умолчание обладает не только отрицательной коннотацией: «Я могу о чем-то *умолчать, но говорить не то, что думаю, у меня не получается*» (Л. Шинкарев. «Лучше по своей прихоти нуждаться, чем по своей воле преуспевать»). Употребление единиц *умолчать, умалчивать, умолчание* всегда связано с неполнотой предоставляемой (высказываемой) информации. Частичная недосказанность, недоговоренность обуславливает и обозначенный далее неопределенный объект (*о чем-то, кое о чем, о кое-каком*), и употребление некоторых лексических единиц типа *частично, единственно, только*: «*Это единственное, о чем моя мама сумела умолчать*» (Д. Симонова. Сорванная слива). Единицы *замолчать / замалчивать* употребляются в значении: 1) не говорить, не сообщать; 2) не признаваться самому себе; 3) не произносить вслух; 4) скрывать, утаивать; 5) игнорировать, обходить вниманием; 6) не замечать; 7) прятать, оставлять в тайне. Данные глаголы могут употребляться как с неодушевленным объектом, так и с одушевленным: «*Кнайфель (его замалчивали так же, как Шнитке, Тищенко, других талантливых авторов)* по тому же поводу написал «Письмо Ленина к членам ЦК» для мужского хора» (М. Токарева. Петербургские тайны семьи Петровых). Замалчивается, передается забвению *теория, учение, истина, творчество, историческое событие, сам человек, «все интересующие нас факты», «полностью замалчивали все, что было связано с духовной эволюцией Пушкина*» и др. Таким образом, единицы *умалчивать* и *замалчивать* противопоставляются друг другу по шкале «частичность – полнота».

Отметим, что идея преднамеренного молчания имеет самостоятельное выражение и в других славянских языках. Однако сопоставление русской репрезентации с польской показало, что для русского языка компонент ‘частичность / полнота’ утаиваемой информации более релевантен, чем для польского, так как имеет самостоятельную языковую фиксацию, в отличие от польского языка.

С целью выявления национально-культурной специфики в структуре категории молчания был проведен эксперимент, в ходе которого испанским специалистам по переводу были предложены русские тексты с описанием молчаливого коммуникативного поведения с просьбой обозначить испанской языковой единицей то, что делает молчащий коммуникант и его собеседник (п. 3.3). Эксперимент показал, что и в испанском, и в русском языках подчеркивается длительность молчаливого коммуникативного

поведения; в испанской лингвокультуре на уровне языка не зафиксировано отличие отсутствия речевой деятельности говорящего и слушающего; компонент 'скрыть, утаить, недосказать' реализуется ключевыми лексемами (*callar, silenciar*), не имеет собственной языковой фиксации. Носители русской лингвокультуры способны не только различать в коммуникационном потоке информационное молчание и интерпретировать состояния молчащего человека, но и выделять момент наступления молчания, продолжительность и интенсивность степени его проявления, а также разграничивать молчание как контроль коммуникантов над своей речевой деятельностью от молчания как преднамеренной стратегии скрыть, утаить.

Проведенные анализ особенностей репрезентации идеи молчания в русском языке, сопоставление с другими языками позволил сделать вывод: **молчание – это уникальная константа, в которой наиболее полно отразились и ментальная составляющая, и ее внешняя поведенческая реализация.**

В четвертой главе «Молчание как этноспецифичная лингвокогнитивная категория» определяется статус категории молчания.

Молчание способно выступать эквивалентом как вербальных, так и невербальных элементов, вследствие чего характеризуется сложной кодовой принадлежностью (п. 4.1). С целью определения специфики кода молчания был проведен социолингвистический эксперимент (1.09.2014 – 1.09.2015) с участием русскоговорящих и испаноговорящих респондентов. Участникам эксперимента были предложены одинаковые коммуникативные ситуации с просьбой интерпретировать молчание. Для подавляющего большинства испанских респондентов молчание как ответ было не значимо, в то время как российские респонденты связывали молчание с негативными событиями адресата (варианты ответов респондентов: *заболел, что-то случилось*) либо с негативными эмоциями (варианты ответов: *обиделся, забыл, с глаз долой – из сердца вон, разлюбил, игнорирует, не уважает* и т. п.). Для испанцев информация должна быть проговорена, материализована. Для носителей русской коммуникативной культуры молчание информативно. Информация конструируется, исходя из общего культурно-коммуникативного опыта (варианты ответов: *принято отвечать, предупредить, иначе будут беспокоиться; обиделся, потому что молчит*, и др.), из общего информационного поля (варианты ответов: *самолеты падают, авиакатастрофы часты в современном мире, возможны теракты, может случиться все что угодно* и др.). Молчание как специфическая черта коммуникативной культуры напрямую связано с типом национальной культуры в целом.

Таким образом, на интерпретацию молчания влияет код, общий для всех участников коммуникативного взаимодействия. Как показал эксперимент, основной **код молчания как текста – код не только общезыковой / невербальный, но и культурный**, то есть заключающий в себе специфику национальной лингвокультуры, формирующейся исторически под воздействием множества факторов, отражающих ментальные особенности, выраженные в языке. Так, в русской лингвокультуре молчание входит не только в структуру коммуникации, но и является значимой культурной константой, что и обуславливает специфику молчания и его роль в коммуникативном взаимодействии. Вбирая в себя семиотические разнородные средства, молчание может быть обозначено как поликодовый текст.

Молчание обладает сложной знаковой природой (п. 4.2). Интенциональное молчание относится к неестественным знакам (п. 4.2.1). Однако в большинстве случаев определить, наделено молчание интенцией или нет, представляет определенную трудность. В работе предложен алгоритм разграничения интенционального молчания от

неинтенционального, который основан на реконструкции материально выраженной альтернативы.

Так, Наташа, героиня повести Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные», испытывая душевные муки, ведет свой бессловесный диалог, где каждая молчаливая реплика понятна герою. Мы можем, вслед за героем, исходя из общего коммуникативного контекста, восстановить, то есть озвучить, вокализовать, молчание Наташи (см. таблицу 1).

Таблица 1. Вокализация молчания

<i>Нулевой текст Наташи</i>	<i>Интенция</i>	<i>Вокализация</i>
Она молчала; наконец, взглянула на меня как будто с упреком, и столько пронзительной боли, столько страдания было в ее взгляде, что я понял, какую кровью и без моих слов обливается теперь ее раненое сердце.	– нежелание обсуждать – упрек – информация о своем состоянии	<i>‘Не хочу это обсуждать. Зачем ты делаешь мне больно? Ты же видишь, как я страдаю’.</i>
Она только горько улыбнулась в ответ. И к чему я это спросил? Ведь я мог понять, что все уже было решено невозвратно. Но я тоже был вне себя.	– информация о сложности принятия решения – бесполезность разговора	<i>‘Мне очень трудно далось это решение’ ‘Зачем ты спрашиваешь об этом? Я уже все решила’.</i>

Молчание вместо параязыковых элементов (крик, возглас, стон и т. п.) также может реализовать интенцию – не дать выдать себя ни звуком, не проявить себя, несмотря на сильное эмоциональное состояние субъекта речи, не показать чувств, эмоций, боли. В этом случае мы также имеем дело с молчанием как неестественным знаком, наделенным интенциональностью: *«В исступлении она бросилась на обезумевшую от страха девочку, вцепилась ей в волосы и грянула ее оземь. Чашка с огурцами полетела в сторону и разбилась; это еще более усилило бешенство пьяной мегеры. Она била свою жертву по лицу, по голове; но Елена упорно молчала, и ни одного звука, ни одного крика, ни одной жалобы не проронила она, даже под побоями»* (Ф. М. Достоевский. Униженные и оскорбленные).

В контексте национальной языковой культуры молчание может быть больше, чем его прагматика, и функционировать как естественный знак (п. 4.2.2).

Неинтенциональное молчание часто имеет культурную обусловленность, то есть является частью традиции. Как стереотип, молчание может отличаться устойчивостью, неосознанностью. С таким молчанием мы сталкиваемся в произведении Л. Андреева «Герман и Марта». Многовековые устои в Мецикюлях были нарушены необыкновенной любовью Марты Иконен и Германа Метанен. Никто из жителей даже не обсуждал эту ситуацию, все молчали, потому что всё было понятно: не естественна в своей бессмысленности любовь стариков. Говорили только сами Марта и Герман. Впервые в жизни им стали чужды общие правила, по которым любить и создавать семью могли только молодые. Марта все хотела узнать: «Почему нельзя?». А Герман страшно и громко ругался: «Сатана! Мы еще посмотрим!». Но бессмысленны были все попытки разрушить

общее молчание, как и изменить семейные устои. Это общее молчание было вызвано общим стереотипом.

Молчание жителей Мецикюли знаково: все идет по порядку, по законам, так, как жили их предки. Устоявшееся, ставшее традицией принимается безоговорочно, молча. Произнесенное же слово звучит как бунт.

Информативным может быть не только молчание человека, но и молчание природы – тишина. То, что является просто «отсутствием звуков, ничем» для носителей одной лингвокультуры, для носителей другой – это знак. Знакова тишина природы и тишина в момент медитации, молитвы (Диалог с Богом или самим с собой). Ученые Л. Якко и С. Кари (1997) доказывают знаковость тишины летней финской ночи. В русской лингвокультуре, несомненно, знаковой является безмолвная тишина.

Неинтенциональное молчание может быть обусловлено и психологическими факторами.

Таким образом, молчание в общении, раскрывая свое значение только в культурно обусловленном и максимально широком по охвату коммуникативных ходов взаимодействии, относится к коммуникативным знакам, функционирующим в человеческой коммуникации, обладающим свойством быть воспринятым и интерпретируемым носителем той или иной лингвокультуры.

В координатах национальной культуры молчание может быть шире, чем его прагматика (п. 4.3). Так, русское молчание – одна из значимых констант национального самобытия, что находит отражение в языке, исторически складывающемся под воздействием различных факторов, прежде всего, средневековой религиозной философии. Невыраженность молчания по сравнению со словом в русской лингвокультуре никогда не рассматривалась как ущербность. Напротив, в сложившихся условиях молчание было сопряжено, с одной стороны, с внутренним миром человека, как правило, более богатым, нежели внешний; с другой – с осознанием принципиальной невыразимости высшего бытия. Вследствие этого молчанию приписывается высочайший коммуникативный статус, так как именно оно способно преодолеть «вербальную невыразимость некоторого содержания» (В. В. Богданов).

В русской лингвокультуре молчание проявляет себя не только на коммуникативном уровне, но и на аксиологическом, когнитивном. Информативно молчание природы, человека, даже если он не вовлечен во взаимодействие, поскольку способность носителя 'выражать и понимать без слов' формировалась и культивировалась исторически, способствовала разнообразному проявлению молчания на уровне общения. Это и дает основание обозначить молчание как специфичную лингвокогнитивную категорию – лингвоментальную единицу, максимально полно раскрывающую национальную специфику информации, сочетающую в себе разноуровневые компоненты, реализующиеся в языке и коммуникации. К категориальным признакам молчания относим следующие.

В русской лингвокультуре категория молчания:

- обладает традиционной ментально-исторической неповторимостью;
- отличается выраженной лексико-семантической и эмоционально-оценочной эксплицированностью;
- имеет развитую систему категориальных имен-репрезентантов, культурно обусловленных;
- представляет собой уровневую систему, элементы которой выстраивают определенную иерархию: она состоит из концептов, имеющих в свою очередь развитую лексическую объективацию в русском языке (*безмолвие, тишь, тишина, безмолвная*

тишина, пустота, ничто и др.), и в то же время является элементом метакатегорий (*человек, духовность, общение, вера, Бог* и мн. др.);

– формируясь под воздействием многих факторов, обладает высокой степенью абстракции, обобщения; отличается многоплановым проявлением как на коммуникативном уровне, так и на аксиологическом, когнитивном;

– характеризуется общеизвестностью; статична, устойчива.

В пятой главе «**Молчание в структуре речевого поведения**» на материале диалогического бытового дискурса анализируется потенциальная способность молчания выступать эквивалентом вербально-вокализованных элементов, в сочетании с другими коммуникативными компонентами служить маркером различных типов речевого поведения: агрессии, вежливости, толерантности. Исследование речевого поведения в зарубежной и отечественной лингвистике нацелено, прежде всего, на выявление его типов и особенностей их речевой реализации (п. 5.1). Бытовой дискурс в качестве материала настоящего исследования обусловлен его особенностями: спонтанностью, неподготовленностью, персонифицированностью, то есть в данном типе дискурса максимально выражаются как индивидуальные качества носителя той или иной лингвокультуры, так и социокультурные. В отличие от институционального общения, регулируемого различными конвенциями с преобладающим надкультурным характером, бытовое общение максимально полно отражает специфику национального коммуникативного поведения (п. 5.2).

С целью выявления особенностей функционирования молчания говорящего и слушающего в ходе бытового взаимодействия был проведен социолингвистический эксперимент (п. 5.2.1). На этапе I методом лингвистического наблюдения фиксировались диалоги, из которых были выделены тексты, указывающие на деструктивное (агрессивное) и конструктивное (вежливое, толерантное) речевое поведение участников общения. На этапе II проводился опрос респондентов, которым предъявлялись наиболее частотные ситуации общения; выяснялось, как они оценивают то или иное поведение коммуникантов в процессе общения: как деструктивное (агрессивное) или конструктивное, нацеленное на диалог. С целью выявления культурной специфики функционирования молчания в русском речевом поведении к опросу привлекались носители русской и испанской лингвокультур. Всего в эксперименте принимало участие 210 человек. На этапе III выявлялись особенности функционирования молчания в различных типах речевого поведения.

К основным выводам эксперимента относим следующие.

Агрессивное речевое поведение в бытовом общении достаточно частотно (62,7 % от общего числа зафиксированных диалогов). Субъект агрессии может быть охарактеризован как: пожилая женщина (58 %), служащий бюджетных государственных учреждений (23 %), женщина с ребенком (9 %), мужчина в состоянии алкогольного опьянения (2 %), продавцы мелких магазинов (2 %), другое (6 %). В качестве объекта агрессии чаще всего выступают: младшие по возрасту (32 %), посетители бюджетных государственных учреждений, чаще пожилые или, наоборот, молодые (47 %), мужчины (11 %), другое (10 %).

Агрессивное поведение, как правило, имеет вербальное выражение. Молчание является одним из компонентов речевой агрессии, характеризует как субъекта речи, так и объекта. Молчание субъекта речевой агрессии реализует следующие тактики: демонстрация обиды, обвинение, игнорирование (собеседника), лишение права речи, вычеркивание из коммуникации, прекращение коммуникации, умаление значимости адресата вплоть до социального нуля, акцент на собственной значимости и значимости

выполняемой работы и др. Тактики же ухода от конфликта, подмены темы, ухода от коммуникации, игнорирования (речевых маркеров агрессивного поведения) характеризуют интенциональное молчание объекта агрессии. Неинтенциональное (принудительное) молчание – это вынужденная ответная реакция на воздействие агрессора, это результат тактики лишения права речи, вычеркивания его из коммуникации (п. 5.2.2).

(28) *Диалог на улице*. Участники: пожилая женщина с внуком (А), пожилая женщина (Б), мальчик лет 7 (В). Женщины оживлённо разговаривают друг с другом.

(В): *Баб / ну пойдём уже! //*

(А): *Подожди / сейчас //* (продолжает разговаривать)

(В): *Я есть хочу! // Баб! //*

(А): *Не перебивай старших / Сейчас! //* (продолжает обсуждение)

(В): (Спустя несколько минут) *Баб! //*

(А): [...] (молчание сопровождается строгим осуждающим взглядом).

(В): [...]

К конструктивному речевому поведению относятся вежливость и толерантность (п. 5.2.3).

Вежливое речевое поведение отличается богатым арсеналом средств выражения: от речевых этикетных формул до различных косвенных речевых актов. Молчание в данном типе речевого поведения, как правило, конвенционально, обусловлено социокультурными стереотипами (не перебивать, не спорить со старшими, молчать, когда говорят старшие, и т. д.), нормами русского коммуникативного поведения. Основной стратегией вежливости в бытовом общении является проявление заинтересованности в позиции субъекта, предмете речи. Анализ показал, что создание единого коммуникативного пространства в процессе вежливого взаимодействия может реализоваться, во-первых, на основе единения чувств, эмоций (мы это обозначили иррациональной основой), во-вторых, на основе интеллектуальной составляющей (рациональной). В зависимости от этого в работе было выделено **иррациональное** и **рациональное вежливое речевое поведение**.

Ср.:

(29) *Диалог в общественном транспорте*. Пожилая женщина (А) рассказывает попутчице (Б):

(А): *В больнице лежала // Думала / все помидоры погибнут // Высохнут // Люся / соседка / как за своими //*

(Б): [...] (внимательное молчание сопровождается кивками головы, участливым взглядом) *Ничего себе! //*

(А): *Соседи все хорошие / чего греха таить / повезло /*

(Б): [...] (кивки головы)

(А): *Как вот без добрых людей? //*

(Б): *И не говори! // Ладно хоть соседи такие //*

(30) *Диалог в общественном транспорте*. Мать (А) разговаривает с дочерью (Б).

(А): *Пенсию хочу перевести в другой банк //*

(Б): (скользящий взгляд на собеседника) [...]

(А): *Процент маленький сейчас //*

(Б): [...]

(А): *В Быстробанк хочу.*

(Б): *Что-то репутация у него не очень //*

В целом, молчание способно выступать как маркер того или иного типа поведения в контексте с другими, материально выраженными, маркерами. Как показал анализ, при *рациональном вежливом речевом поведении* молчание функционирует в контексте уточняющих, открытых вопросов, перефразирований, повторов, парафраз. Из невербальных компонентов отметим кивки головы, внимательный взгляд, устремленный на собеседника, легкий поворот головы, легкое раскачивание корпуса. Дистанция нейтральная с эпизодическим сближением. Частотны паралингвистические вокализованные элементы «гм», «угу» с подбадривающей интонацией. Мимика может выражать эмоции, например удивления (поднятые брови), радости (легкая улыбка), но чаще характеризуется как нейтральная. Намерение субъекта речи явно: демонстрируется открытая заинтересованность в собеседнике. Используются речевые акты, направленные на детализацию и уточнение информации; мимика, жестикация, положение корпуса и головы характеризуются как нейтральные или невыраженные; взгляд сигнализирует собеседнику, что его слушают внимательно. *Иррациональную вежливость* в русской коммуникации характеризует большое разнообразие тактик (богатый вербально-вокализованный контекст), паралингвистических элементов общения; выраженная жестикация и мимика указывают на стремление молчащего поддержать собеседника; средняя доля вербально-вокализованных вкраплений обусловлена желанием слушающего дать высказаться говорящему. Положение корпуса, сокращенная дистанция, преобладание тактильных жестов, характер паралингвизмов, зеркально отражающих состояние собеседника, свидетельствуют о наличии общего коммуникативного пространства, основанного на гармонизации эмоциональной составляющей общения.

Исследование функционирования молчания в конструктивном речевом поведении потребовало уточнения термина *толерантность*, так как эксперимент показал, что границы типов конструктивного поведения в бытовом общении пересекаются. С целью разграничения толерантного и вежливого бытового поведения было проанализировано употребление единицы «толерантность» в русском языке с привлечением данных толковых словарей, словарей частотности, ассоциативных словарей, справочно-информационной системы «Национальный корпус русского языка», материалов интернет-форумов с текстами-ответами на запросы, связанные с толерантностью.

В русском языковом сознании понятие «толерантность» определяется через единицы *терпимость, уважение, снисхождение*. Носители четко осознают границы толерантного отношения субъекта речи к религии, взглядам, поведению другого, отличных от собственных, но только, во-первых, до факта нарушения морально-этических норм, во-вторых, до границ собственного коммуникативного пространства. На когнитивном уровне преобладают концепты «равнодушие», «комфорт». На аксиологическом – нейтральная оценка, которая может перейти в негативную в том случае, когда происходит вторжение в пространство субъекта речи, причем не столько в коммуникативное, сколько в аксиологическое и когнитивное, то есть речевое поведение собеседника противоречит морально-этическим нормам адресанта. На уровне внешнего проявления – это спокойное, уравновешенное, отстраненное, лояльное поведение; при столкновении с агрессией направленное на ее сдерживание либо уход от нее. Толерантность осознается как необходимое условие жизни в цивилизованном обществе, условие конструктивного диалога, как привнесенное европейское мировоззрение. Отсюда слово «толерантность» имеет разные коннотации: позитивную как ‘результат развития человеческого общества’, негативную как ‘чуждая, привнесенная ценность, противоречащая исконно русской’.

На речевом уровне толерантное поведение реализуется в бытовом общении с помощью следующих тактик.

- Выраженная субъективация (*я думаю; я не думаю; мне кажется; по-моему; что касается меня; я так считаю; я так понимаю; мое мнение; лично для меня и др.*).
- Акцент на границы личной компетентности (*я не знаю этого; я не разбираюсь в этом; я не понимаю в этом ничего*), личных предпочтений (*это не в моем вкусе; это не в моем стиле; это мое дело; это моя жизнь и др.*). Часто сопровождается указанием адресату или объекту речи на его зону ответственности, компетентности, предпочтений (*как знаешь; сам знаешь; если тебе нравится; делай, что хочешь / как хочешь; не твое дело; им так нравится; врачам лучше знать и др.*).
- Уход от согласия (*посмотрим; пока сказать не могу; давай доживем до праздников, подумать надо и др.*).
- Мнимое согласие (*ну нет так нет; вроде / вроде так / ну вроде, ну ладно; тебе / ему / им виднее и др.*).
- Уход от оценки (*да никак; ничего не думаю; ее дело; не мое дело; кто как хочет, пусть так и одевается и др.*).
- Уход от ответа / темы (*давай об этом не будем; тему смени; наверное; не хочу об этом; чего об этом говорить и др.*).
- Тщетность разговоров (*ну что теперь об этом; ну что теперь делать*).
- Равнодушие (*мне все равно; пофиг*).
- Обесценивание предмета речи (*ерунда; пустяки; еще это мы не обсуждали и др.*).
- Уход от неадекватного поведения (молчание).
- Уход от коммуникации (молчание).

Молчание, как и другие речевые средства, может выступать маркером толерантного речевого поведения. Ответная нулевая реплика достаточно частотный коммуникативный ход в бытовом общении (12,7%).

(31) *Диалог в магазине* (маленький магазин из серии «У дома»). Участники: женщина средних лет (покупает) (А), продавец (Б), пожилая женщина (опирается на палку) (В), мужчина средних лет (Г).

(Г): (минуя пожилую женщину, подходит к той, которая покупает продукты) *Сосисок купи еще / килограмм / мама просила //*

(А): (кивает) *Угу //*

(В): (в раздражении ударяет мужчину по голени палкой) *Куда?! //*

(Г): [...] (морщится от боли, отворачивается от коммуниканта В)

(Б): [...] (отворачивается, спокойно взвешивает сосиски)

(А): [...] (с понимаем взглянула на коммуниканта Г)

(Б): (с улыбкой) *Ваши сосиски // С Вас 580 руб. //*

(А): (берет товар) *Спасибо! //* (расплачивается, протягивает пакет с продуктами коммуниканту (Г)) *До свидания! //*

(Б): *Вам спасибо! // Приходите еще! //*

(В): (недовольно бормочет про себя)

Наиболее часто нулевая реплика реализует тактики мнимого согласия (0,3 %), ухода от неадекватного поведения собеседника (5 %), неинтересной темы (15,8 %), от оценки (18,4 %), от речевой агрессии (28,9 %), от коммуникативного взаимодействия в целом (31,6 %), то есть из зоны дискомфорта для субъекта речи. Дискомфорт может

создаваться темой разговора, предметом речи, оценкой, поведением партнера или его ценностями, противоречащими нормам адресанта, и т. п.

Молчание часто обусловлено лишь требованиями речевого этикета. В этом случае молчание редко прерывается вербально-вокализованными вкраплениями: невокализованный контекст преобладает над вокализованным. Паралингвистические элементы либо редки, однообразны, либо отсутствуют. Интонация нейтральная. Мимика, жестикация не выражены. Положение корпуса и головы, увеличение дистанции указывают на стремление слушающего сохранить свое пространство. Намерения слушающего не считываются. Молчание в данном виде взаимодействия является этикетным условием говорения другого и в сочетании с иными, материально выраженными, компонентами общения является отличительным признаком толерантности.

Отметим, что для разграничения вежливости и толерантности важна не столько качественная характеристика признака, сколько степень его проявления (количественная характеристика).

Общим итогом эксперимента является выделение основных моделей бытового коммуникативного взаимодействия с нулевым высказыванием (п. 5.2.4).

Молчание преднамеренное, интенциональное, присуще всем типам речевого поведения: агрессии, вежливости и толерантности. Интенциональное молчание обуславливает выделение следующих типов агрессивного взаимодействия:

- тип 1: агрессия – агрессия;
- тип 2: агрессия – вежливость;
- тип 3: агрессия – толерантность.

Из общей массы зафиксированных диалогов наименее характерным для бытового общения является тип 1 «агрессия – агрессия» (2,6 %); наиболее частотными – тип 3 «агрессия – толерантность» (74 %), тип 2 «агрессия – вежливость» (23,4 %).

Конструктивное речевое поведение отличается следующими типами взаимодействия:

- тип 4: вежливость – вежливость;
- тип 5: вежливость – толерантность.

Отметим, во-первых, толерантность характеризуется, прежде всего, как ответное речевое поведение, в отличие от вежливого, что может быть обусловлено тем, что коммуникант вступает в контакт будучи заинтересованным в адресате своего сообщения. Во-вторых, анализ диалогов в бытовом дискурсе позволил уточнить сферу общения: если на материале публичного общения ученые пришли к выводу, что толерантность – это ответное поведение на речевую агрессию (Т. А. Воронцова, Т. В. Ларина и др.), то проведенный эксперимент доказал частотность толерантного речевого поведения как ответа на вежливость, преимущественно в городской коммуникативной среде. Городская / сельская субкультуры обусловили и частотность типов конструктивного взаимодействия: тип 5 присущ городским жителям (69,3 %), тип 4 – сельским (82 %).

Отдельно выделим тип 6: вежливость – агрессия, характерный как для горизонтального типа общения в русскоязычной коммуникации (агрессия направлена от коммуникативно сильного к коммуникативно слабому), так и вертикального (от власти имущего к просителю). Молчание как игнорирование, как отсутствие ответа достаточно частотно. В межличностном горизонтальном общении занимает 17 %, в вертикальном – 53 %. Как показал эксперимент, часто адресат не воспринимает поведение собеседника как агрессивное, особенно при вертикальном общении, когда речевой агрессор – носитель определенной функции. В данном случае, речевые маркеры агрессии «обнуляются»

социокультурными стереотипами. Таким образом, на классификацию речевого поведения влияют, во-первых, установки адресанта, во-вторых, восприятие адресата, его интерпретация. **Типы речевого поведения социокультурно обусловлены.**

В заключении подводятся общий итог исследования, определяются перспективы дальнейшей разработки данной проблемы.

Коммуникативная деятельность характеризуется частотным обращением коммуникантов к молчанию, образуя сложную систему его видов. Выделено молчание эквивалентное, функционирующее вместо других коммуникативных (вербальных и невербальных) элементов, имеющее альтернативу в виде речевого высказывания, поступка или целого события, а также компонентов невербального общения, и безэквивалентное, не имеющее во взаимодействии вербальной или невербальной альтернативы.

Молчание как текст обладает знаковой природой. В силу своей материальной невыраженности нулевой знак становится текстом в момент адекватной интерпретации адресатом. По степени адекватности интерпретации молчания в работе выделено пять типов коммуникативного взаимодействия.

Являясь универсальной категорией человеческого общения, молчание наиболее полно раскрывает свое значение в координатах национальной культуры. Репрезентация молчания в национальном языке отличается общим (прагматическое молчания) и специфичным. В русской лингвокультуре молчание – это сложное многоструктурное образование, обладающее богатой и разнообразной языковой фиксацией, в которой отражены историческое влияние религиозно-философской системы, специфика русской культуры и русского коммуникативного поведения.

Код молчания достаточно сложный по структуре: это сочетание языкового кода либо неязыкового (невербального) и культурного, заключающего в себе специфику национальной лингвокультуры; данный код отражает ментальные особенности, выраженные в языке.

Молчание в национальной лингвокультуре проявляет себя не только на уровне общения, но и на аксиологическом, когнитивном уровнях, что обуславливает обозначение данной категории как лингвокогнитивной, обладающей специфичными категориальными признаками.

Молчание как неотъемлемая черта бытового общения в контексте других вербально-вокализованных и невербальных элементов не только является коммуникативным знаком речевой деятельности, но и, подобно материально выраженному тексту, способно служить маркером того или иного типа речевого поведения.

Таким образом, основными результатами данного исследования являются следующие.

1. Определены границы молчания как предмета лингвистического исследования, выявлены его виды.

2. Разработан понятийно-терминологический аппарат для всестороннего и объективного описания молчания.

3. Доказана обусловленность коммуникативного молчания национальной языковой культурой.

4. Выявлена способность молчания служить маркером деструктивного и конструктивного национального речевого поведения, структурообразующим элементом в моделях взаимодействия, типичных для бытового общения.

5. Определен статус молчания как этноспецифичной лингвокогнитивной категории.

К перспективам диссертационного исследования можно отнести:

– синхроническое и диахроническое исследование молчания в различных социокультурах;

– анализ общего и специфичного в структуре категории молчания, обусловленного различными субкультурами;

– изучение функционирования молчания в различных видах дискурса, особенно таких, где молчание регламентировано (в юридическом, дипломатическом, медицинском, политическом и др.) или отличается особенностями функционирования (в интернет-дискурсе);

– психолингвокультурное исследование категории молчания.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях.

Монографии

1. Копылова, Т. Р. Коммуникация в современной научной парадигме: монография / Т. Р. Копылова. – Ижевск: Удмуртский университет, 2019. – 170 с. (авторский вклад 100 %)

2. Копылова, Т. Р. Слово и молчание в русском коммуникативном поведении: монография / Т. Р. Копылова. – Ижевск: Удмуртский университет, 2020. – 158 с. (авторский вклад 100 %)

Статьи, опубликованные в научных изданиях ВАК РФ

3. Воронцова, Т. А. Молчание как маркер агрессивного речевого поведения (на материале бытового общения) / Т. А. Воронцова, Т. Р. Копылова // Филологический класс. – 2017. – № 3. – С. 29-33. (издание входит в базу данных Web of Science) (авторский вклад 50 %)

4. Воронцова, Т. А. Тактики толерантности в бытовом диалогическом дискурсе / Т. А. Воронцова, Т. Р. Копылова // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. Филология. Искусствоведение. – 2021. – № 1, вып. 447. – С. 26-33. (авторский вклад 50 %)

5. Килина, Л. Ф. Преднамеренное молчание в русской и польской современных лингвокультурах / Л. Ф. Килина, Т. Р. Копылова // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. – 2014. – Вып. 4. – С. 173-178. (авторский вклад 60 %)

6. Копылова, Т. Р. Виды молчания: подходы к классификации / Т. Р. Копылова // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. – 2016. – Т. 26, вып. 3. – С. 80-85. (авторский вклад 100 %)

7. Копылова, Т. Р. К вопросу о влиянии языковой картины мира на содержание научного знания (на примере понятий *воздействие / influencia, взаимодействие / interacción, коммуникативное пространство / espacio comunicativo*) / Т. Р. Копылова // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. – 2010. – Вып. 2. – С. 48-53. (авторский вклад 100 %)

8. Копылова, Т. Р. К определению понятий *коммуникация* и *comunicación* (о некоторых особенностях научного мышления) / Т. Р. Копылова // Вестник Удмуртского университета. – 2007. – № 5. – С. 59-66. (авторский вклад 100 %)

9. Копылова, Т. Р. Молчание в речевой агрессии: цель и средство (на материале повести Ф. М. Достоевского «Кроткая») / Т. Р. Копылова // Вестник Челябинского

государственного университета. – 2018. – № 1, тем. вып. Филологические науки, вып. 111. – С. 44-49. (авторский вклад 100 %)

10. Копылова, Т. Р. Молчание в современной лингвистике: подходы к анализу / Т. Р. Копылова // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. – 2014. – Вып. 2. – С. 36-39. (авторский вклад 100 %)

11. Копылова, Т. Р. Молчание в структуре слушания как вида речевой деятельности (на материале русского конструктивного речевого поведения) / Т. Р. Копылова // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. – 2020. – Т. 30, вып. 2. – С. 204-211. (авторский вклад 100 %)

12. Копылова, Т. Р. Молчание как культурный знак / Т. Р. Копылова // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. – 2012. – Вып. 4. – С. 126-129. (авторский вклад 100 %)

13. Копылова, Т. Р. Молчание как термин: проблема многозначности / Т. Р. Копылова // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. – 2015. – Т. 25, вып. 5. – С. 7-11. (авторский вклад 100 %)

14. Копылова, Т. Р. Молчание: вербальная VS невербальная коммуникация / Т. Р. Копылова // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. – 2015. – Т. 25, вып. 3. – С. 116-119. (авторский вклад 100 %)

15. Копылова, Т. Р. Молчание: от концепта к русскому коммуникативному поведению (особенности формирования) / Т. Р. Копылова // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. – 2015. – Т. 25, вып. 2. – С. 27-32. (авторский вклад 100 %)

16. Копылова, Т. Р. Национальная специфика научного знания (на примере концепта *коммуникация* в русской и испанской лингвистике) / Т. Р. Копылова // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. Филология. Искусствоведение. – 2007. – № 8. – С. 26-31. (авторский вклад 100 %)

17. Копылова, Т. Р. Промолчать – помолчать – смолчать (об особенностях русского коммуникативного молчаливого поведения) / Т. Р. Копылова // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. – 2014. – Вып. 4. – С. 169-172. (авторский вклад 100 %)

18. Копылова, Т. Р. Стратегии преднамеренного молчания в политическом дискурсе / Т. Р. Копылова // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. Филология. Искусствоведение. – 2015. – № 10, вып. 95. – С. 107-112. (авторский вклад 100 %)

19. Копылова, Т. Р. Умолчание как стратегия в формировании имиджа России в испанских СМИ / Т. Р. Копылова // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. Филология. Искусствоведение. – 2013. – № 21, вып. 80. – С. 295-299. (авторский вклад 100 %)

Публикации в рецензируемых научных изданиях, входящих в международные базы данных и систем цитирования (Web of Science)

20. Воронцова, Т. А. Silence in the structure of aggressive speech behavior (case study of day-to-day communication) = Молчание в структуре агрессивного речевого поведения (на материале бытового общения) / Т. А. Воронцова, Т. Р. Копылова // Cuadernos de Rusística Española. – 2017. – Т. 13. – Р. 97-109. (авторский вклад 50 %)

21. Копылова, Т. Р. Уход от коммуникации в неприятном разговоре в русской коммуникативной культуре (на материале интернет-форумов) / Т. Р. Копылова,

П. И. Мариненко // *Mundo Eslovo: Revista de Cultura y Estudios Eslovos*. – 2017. – № 16. – С. 427-440. (авторский вклад 60 %)

22. Копылова, Т. Polyprefixal verbs of silence in russian and polish / Т. Копылова, L. Kilina // *Current issues of the Russian language teaching XIV*. – Brno: Masaryk University Press, 2020. – Р. 86-93. (авторский вклад 60 %)

23. Копылова, Т. The Silence in the Eastern Slavic Model of the World: As a Concept and As a Communicative Category (Based on the Russian and Ukrainian Language Representation) / Т. Копылова, P. Marynenko // *Mundo Eslovo: Revista de Cultura y Estudios Eslovos*. – 2015. – № 14. – Р. 51-63. (авторский вклад 65 %)

Публикации в других изданиях

24. Копылова, Т. Р. «...Выразить душа не знает стройных слов» (о русском молчании в межкультурной коммуникации) / Т. Р. Копылова // *Международное сотрудничество: интеграция образовательных пространств*. – Ижевск: Удмурт. ун-т, 2011. – С. 332-337. (авторский вклад 100 %)

25. Копылова, Т. Р. Молчание в русской и испанской лингвокультурах (к вопросу об особенностях формирования) / Т. Р. Копылова // *Русско-испанские сопоставительные исследования: теоретические и методические аспекты*. – Гранада: Jizo Ediciones, 2011. – С. 143-147. (авторский вклад 100 %)

26. Копылова, Т. Р. Молчание и пустословие в русской коммуникативной культуре / Т. Р. Копылова // *Русский язык и русская речь в XXI веке: проблемы и перспективы*. – Ижевск, 2007. – С. 133-136. (авторский вклад 100 %)

27. Копылова, Т. Р. Молчание как знак: проблемы интерпретации / Т. Р. Копылова // *GranaSlavic2014*. – Granada: Universidad de Granada, 2014. – С. 168-169.

28. Копылова, Т. Р. Молчание как знак: проблемы интерпретации / Т. Р. Копылова // *Trends in Slavic Studies*. – Москва: URSS, 2015. – С. 721-727. (авторский вклад 100 %)

29. Копылова, Т. Р. Молчание как рецептивное коммуникативное поведение: проблема национальной специфики / Т. Р. Копылова // *Теория и практика языковой коммуникации*. – Уфа: Уфим. гос. авиац. техн. ун-т, 2015. – С. 119-124. (авторский вклад 100 %)

30. Копылова, Т. Р. Молчание как эмоциональная коммуникация (на материале русской литературы) / Т. Р. Копылова // *Язык. Культура. Коммуникация*. – Ижевск: Удмурт. ун-т, 2012. – С. 50-51. (авторский вклад 100 %)

31. Копылова, Т. Р. Опустошенное молчание в структуре русского речевого поведения (на материале произведений Фёдора Достоевского и Леонида Андреева) / Т. Р. Копылова // *Русистика и современность. Старые вопросы, новые ответы*. – Katowice, 2017. – С. 521-530. (авторский вклад 100 %)

32. Копылова, Т. Р. Оценка в межкультурной коммуникации: (на материале русского и испанского языков) / Т. Р. Копылова // *Международное сотрудничество: интеграция образовательных пространств*. – Ижевск: Удмуртский университет, 2008. – С. 195-202. (авторский вклад 100 %)

33. Копылова, Т. Р. Преднамеренное молчание как коммуникативная стратегия юридического дискурса (на материале речи адвоката) / Т. Р. Копылова, С. В. Копылов // *Русский язык и литература в пространстве мировой культуры*. – Санкт-Петербург: [МАПРЯЛ], 2015. – Т. 8. – С. 142-147. (авторский вклад 100 %)

34. Копылова, Т. Р. Проблема введения термина *вокализованная / невокализованная коммуникация* / Т. Р. Копылова // Язык и литература в научном диалоге. – Ижевск: Удмуртский университет, 2016. – С. 46-53. (авторский вклад 100 %)

35. Копылова, Т. Р. Способы формирования общественного мнения в персональном дискурсе Дмитрия Киселева / Т. Р. Копылова, А. М. Хакимова // Русский язык и русская речь в XXI веке: проблемы и перспективы. – Ижевск: Удмуртский университет, 2018. – С. 27. (авторский вклад 70 %)

36. Копылова, Т. Р. Стратегия умолчания в персональном политическом дискурсе (на материале образа Удмуртии в хронике Facebook А. Бречалова) / Т. Р. Копылова // Русский язык и русская речь в XXI веке: проблемы и перспективы. – Ижевск: Удмуртский университет, 2018. – С. 26. (авторский вклад 100 %)

37. Копылова, Т. Р. Хорошо ли то, что ценно, и ценно ли то, что хорошо? (Оценка и ценность в испанской и русской лингвокультурах) / Т. Р. Копылова, Х. Эррера Гонсалес де Молина // Язык и литература в научном диалоге. – Ижевск: Удмурт. ун-т, 2010. – С. 143-151. (авторский вклад 70 %)

38. Копылова, Т. Р. Ценности в русской и испанской лингвокультурах: (на материале лингвоассоциативного эксперимента) / Т. Р. Копылова // Многоязычие в образовательном пространстве. – Ижевск: Удмурт. ун-т, 2010. – С. 31-39. (авторский вклад 100 %)

39. Мариненко, П. І. Silencio як ключовий концепт іспанської лінгвокультури (від історії до сучасного функціонування) / П. І. Мариненко, Т. Р. Копылова // Problems of Semantics, Pragmatics and Cognitive Linguistics. – Київ: [Логос], 2015. – Вип. 27. – С. 277-284. (авторский вклад 60 %)

Учебники, учебные пособия

40. Воронцова, Т. А. Теория коммуникации: от А до Я: учеб. пособие / Т. А. Воронцова, Т. Р. Копылова [и др.]. – Ижевск: Удмуртский университет, 2016. – 146 с. (авторский вклад 40 %)